

Марк Дога

Утраченный авторитет

**Почему общество вытеснило
пожилых людей на обочину**

Марк Дога

**Утраченный авторитет.
Почему общество вытеснило
пожилых людей на обочину**

«Автор»

2026

Дога М.

Утраченный авторитет. Почему общество вытеснило пожилых людей на обочину / М. Дога — «Автор», 2026

Книга представляет собой системное исследование феномена утраты уважения к старости в современном обществе. На основе анализа исторических, экономических, культурных и институциональных факторов авторы показывают, что обесценивание пожилых людей является закономерным результатом модернизации, перехода к экономике знаний и культурного сдвига в сторону приоритизации молодости и инноваций. Опираясь на данные международных исследований, включая Всемирное исследование ценностей и мета-анализы, охватывающие более 1,25 миллиона пожилых людей из 43 стран, книга демонстрирует измеримые последствия эйджизма: от снижения удовлетворённости жизнью и счастья до роста одиночества, депрессии и преждевременной смертности. Рассматриваются механизмы институциональной дискриминации в здравоохранении, на рынке труда, в медиа и социальных услугах, а также роль технологического разрыва и трансформации семьи в изоляции старшего поколения.

© Дога М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
Глава 1. От почтения к пренебрежению. Историческая динамика статуса старости	9
Глава 2. Модернизация как фактор обесценивания. Экономика против возраста	18
Глава 3. Институциональный эйджизм. Когда дискриминация становится нормой	27
Глава 4. Культурный сдвиг. От мудрости к «вечной молодости»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Марк Дога

Утраченный авторитет. Почему общество вытеснило пожилых людей на обочину

Введение

Демографический перелом: цифры, которые нельзя игнорировать

В 2024 году численность населения Земли достигла 8,2 миллиарда человек. За этими сухими статистическими данными скрывается процесс, не имеющий аналогов в истории человечества. Стремительное старение населения планеты меняет саму структуру общества, перекраивает экономические модели, трансформирует культурные коды и ставит под сомнение устоявшиеся веками представления о месте старшего поколения в социальной иерархии.

Согласно прогнозам Организации Объединённых Наций, к концу 2070-х годов глобальная численность населения в возрасте 65 лет и старше превысит 2,2 миллиарда человек, что будет означать демографическую веху – впервые в истории количество пожилых людей на планете превзойдёт число детей и подростков младше 18 лет. Уже к середине 2030-х годов численность людей в возрасте 80 лет и старше превысит количество младенцев в возрасте одного года и младше. Эти цифры не просто статистическая абстракция – они представляют собой фундаментальный сдвиг в возрастной структуре общества, последствия которого будут ощущаться в каждой сфере человеческой жизни.

Если рассматривать глобальную демографическую картину, то региональные различия оказываются исключительно глубокими. В более развитых регионах мира доля населения старше 65 лет уже в 2024 году составляет 21%, тогда как в менее развитых регионах этот показатель не превышает 8%, а в наименее развитых странах – всего 4%. В таких странах, как Канада, Франция и Швеция, более 20% населения уже достигли 65-летнего возраста. Эти цифры иллюстрируют фундаментальный разрыв: проблема старения и связанного с ним обесценивания пожилых людей наиболее остро стоит в тех обществах, которые достигли наивысшего уровня экономического развития.

Однако демографическое старение не является уделом исключительно развитых стран. В странах с высоким уровнем рождаемости также будет происходить неуклонное увеличение доли пожилого населения. Нигерия, крупнейшая страна Африки к югу от Сахары, где сегодня доля пожилых людей незначительна, к 2100 году увидит рост этой доли с 5% до 12% общей численности населения, а абсолютное число людей старше 65 лет вырастет с 7,1 миллиона в 2024 году до 58,6 миллиона к концу столетия. Таким образом, проблема старения общества и пересмотра отношения к пожилым людям становится глобальной, затрагивающей все страны независимо от уровня их экономического развития.

Особого внимания заслуживает динамика демографической нагрузки, которая показывает, как меняется соотношение между трудоспособным и нетрудоспособным населением. В 1960 году коэффициент демографической нагрузки (отношение населения младше 15 лет и старше 65 лет к населению трудоспособного возраста) составлял 74,6%. К 2023 году этот показатель снизился до 55,1%, но ключевая трансформация заключается в его структуре: доля «молодой» нагрузки (дети до 15 лет) неуклонно сокращается с 64,9% в 1960 году до прогнозируемых 33% в 2050 году, тогда как «старая» нагрузка (пожилые люди старше 65 лет) растёт с 8,7% в 1960 году до прогнозируемых 26,2% в 2050 году. Это означает фундаментальный сдвиг – общество, которое исторически было ориентировано на поддержку и социализацию моло-

дого поколения, теперь вынуждено переориентироваться на поддержку пожилых, что создаёт новые вызовы для социальных систем и межпоколенческих отношений.

Парадокс долголетия: почему демографический сдвиг не принёс уважения

В истории человечества никогда ещё не было периода, когда столь значительная часть населения доживала до глубокой старости. Увеличение продолжительности жизни, снижение детской смертности, достижения медицины и улучшение условий жизни – все эти факторы создали уникальную ситуацию: старость перестала быть исключением и стала нормой. Однако, вопреки ожиданиям, демографическое старение общества не сопровождается ростом уважения к старшему поколению. Напротив, возрастная дискриминация – эйджизм – остаётся глобальной проблемой, масштабы которой поражают.

Всемирная организация здравоохранения в своём первом глобальном докладе об эйджизме представила шокирующие данные: каждый второй человек в мире придерживается эйджистских взглядов, изображающих пожилых людей как немощных или некомпетентных. Это означает, что возрастная дискриминация является одной из самых распространённых форм предубеждений в современном мире, при этом она остаётся наименее осознаваемой и реже всего оспариваемой. Как отмечает Нэнси Морроу-Хоуэлл из Университета Вашингтона в Сент-Луисе, «эйджизм настолько распространён, настолько принят, настолько невидим».

Этот парадокс требует глубокого осмысления. Общество, которое никогда не жило так долго, никогда не ценило старость так мало. Можно утверждать, что эйджизм является, возможно, последним «приемлемым» предрассудком – в то время как другие формы дискриминации, такие как расизм или сексизм, подвергаются активной критике и законодательным запретам, возрастные стереотипы остаются нормализованными и редко оспариваются.

Последствия этой глобальной установки далеко идущие и разрушительные. Эйджизм влияет на продолжительность жизни пожилых людей, их доходы, физическое и психическое здоровье, замедляет восстановление после инвалидности и способствует когнитивному снижению. Когда пожилые люди недооцениваются, потери несёт всё общество – как отдельные индивиды, как сообщества и как экономика в целом. Скрытые издержки эйджизма и возрастной дискриминации в сфере занятости, здравоохранения и других областях огромны, и только начинают осознаваться исследователями и политиками.

В сфере здравоохранения эйджизм проявляется особенно ярко. Систематический обзор исследований, проведённых с 2014 по 2024 год, показал, что, хотя медицинские работники в целом демонстрируют низкие показатели эйджизма, работники с меньшими знаниями о старении и меньшим опытом, особенно в гериатрических отделениях, показывают более высокие показатели возрастных предрассудков. Межпоколенческий контакт и желание работать с пожилыми людьми оказались важными факторами, способствующими формированию позитивных отношений с пожилыми пациентами. Это указывает на то, что эйджизм в медицине – не неизбежность, а следствие недостатка образования и опыта, что открывает возможности для целенаправленного вмешательства.

Социальная изоляция как следствие обесценивания

Одним из наиболее болезненных последствий эйджизма и обесценивания пожилых людей является их социальная изоляция – как объективная (ограничение социальных контактов и участия в общественной жизни), так и субъективная (чувство одиночества и покинутости). Эти явления приобрели масштаб эпидемии, и их последствия для здоровья и выживаемости пожилых людей сопоставимы с действием таких факторов риска, как курение и высокое кровяное давление.

Всесторонний систематический обзор и мета-анализ, включивший 86 проспективных когортных или лонгитюдных исследований, показал, что одиночество ассоциируется с повышением риска смертности от всех причин на 14% (отношение рисков 1,14, 95% доверительный интервал 1,10–1,18). Социальная изоляция оказалась ещё более опасным фактором, увеличи-

вая риск смертности на 35% (отношение рисков 1,35, 95% ДИ 1,27–1,43), а жизнь в одиночестве – на 21% (отношение рисков 1,21, 95% ДИ 1,13–1,30). Эти цифры показывают, что социальная эксклюзия (процесс или состояние, при котором индивиды, группы людей или целые слои общества оказываются вытесненными на периферию, ограничиваются в правах, теряют доступ к ресурсам, образованию, работе и полноценной жизни) пожилых людей – не просто этическая проблема, а вопрос жизни и смерти.

Особую тревогу вызывает то, что социальная изоляция является сопоставимым по силе фактором риска с курением и высоким кровяным давлением – факторами, которым в общественном здравоохранении уделяется огромное внимание. Однако в отличие от курения и гипертонии, социальная изоляция пожилых людей редко рассматривается как приоритетная проблема общественного здоровья, что отражает глубину обесценивания пожилых людей в современном обществе.

Мета-регрессионный анализ выявил важные модераторы связи между социальными факторами и смертностью: более длительные периоды наблюдения, женский пол, использование валидированных индексов социальной сети, учёт когнитивной функции и качество исследования были значимыми предикторами риска смертности. Это указывает на то, что уязвимость перед социальной изоляцией распределена неравномерно, и определённые группы пожилых людей – в частности, женщины – нуждаются в особой защите.

От истории вопроса к анализу настоящего: структура книги

Данная книга представляет собой систематическое исследование феномена утраты уважения к старости в современном обществе. Автор ставит перед собой задачу не просто описать симптомы этого кризиса, но проследить его глубинные причины и проанализировать последствия для общества в целом.

Книга построена по принципу движения от истории вопроса через анализ современного состояния к прогнозам и возможным путям преодоления кризиса. Такой подход позволяет увидеть проблему в её исторической динамике, понять, какие факторы привели к нынешней ситуации, и оценить возможные сценарии будущего.

В первых главах рассматривается эволюция отношения к пожилым людям на протяжении человеческой истории – от аграрных обществ, где старейшины пользовались непрерываемым авторитетом, до индустриальной эпохи, когда статус старости начал неуклонно снижаться. Особое внимание уделяется теории модернизации и её критике, а также анализу того, как экономические трансформации изменили ценность жизненного опыта.

Вторая часть книги фокусируется на конкретных механизмах и проявлениях эйджизма в различных сферах жизни: экономике знаний, системе здравоохранения, медиа, технологической среде, социальных институтах. Рассматривается, как институциональный эйджизм закрепляет неравенство и делает дискриминацию пожилых людей нормализованной и невидимой.

Особое внимание уделяется культурным и психологическим аспектам – тому, как трансформация культурных ценностей в сторону приоритизации (процесс ранжирования задач, требований или целей по их важности и срочности) молодости и инноваций обесценивает опыт, как негативные возрастные стереотипы интернализуются (от лат. *internus* – внутренний – это процесс, при котором человек усваивает внешние социальные нормы, ценности, знания или модели поведения, делая их частью своей собственной личности и внутренних убеждений) и влияют на здоровье и самоощущение самих пожилых людей, как меняются семейные отношения и межпоколенческие связи.

Завершающая часть книги обращается к будущему. На основе анализа текущих тенденций рассматриваются возможные сценарии развития ситуации – от сохранения и углубления кризиса до его преодоления. Обсуждаются меры, которые могут быть предприняты на уровне государственной политики, экономических институтов, культурных практик и межличност-

ных отношений, чтобы остановить процесс обесценивания старости и восстановить утраченные связи между поколениями.

Цена утраченного уважения

Центральный тезис книги заключается в том, что утрата уважения к старости – не просто проблема пожилых людей. Это проблема всего общества, которое теряет нечто фундаментально важное для своего выживания и развития. Обесценивая опыт старшего поколения, общество лишает себя доступа к уникальному ресурсу – знаниям, мудрости, исторической памяти, которые не могут быть заменены никакими информационными технологиями.

Книга опирается на солидную эмпирическую базу – данные международных исследований, включая Всемирное исследование ценностей (World Values Survey), систематические обзоры и мета-анализы, теоретические работы ведущих геронтологов и социологов. Особое внимание уделяется концепциям «успешного старения», «третьего и четвёртого возраста», теории инкорпорирования стереотипов, а также региональным исследованиям, отражающим специфику различных культур и обществ.

Особая ценность данного исследования – в его практической направленности. Автор не ограничивается констатацией проблемы, а предлагает конкретные пути её решения, показывая, что кризис уважения к старости может быть преодолен, если общество осознает его глубину и предпримет осознанные усилия для восстановления межпоколенческой солидарности.

Демографические прогнозы показывают, что проблема старения населения будет только обостряться в ближайшие десятилетия. К 2054 году старение населения будет развитым во всех странах с низким уровнем рождаемости. Это означает, что вопрос отношения к пожилым людям становится не просто этическим, но и политическим, экономическим, социальным – вопросом выживания обществ, которые столкнутся с беспрецедентной демографической нагрузкой.

Всемирная организация здравоохранения объявила десятилетие здорового старения (2021–2030) ключевым направлением политики. Однако борьба с эйджизмом требует не только политических инициатив, но и глубокой культурной трансформации. Автор книги стремится внести свой вклад в этот процесс, предлагая читателю систематический, научно обоснованный анализ одной из самых острых проблем современности.

Глава 1. От почтения к пренебрежению. Историческая динамика статуса старости

Теоретическая рамка: S-образная кривая Кокса

Понимание того, как менялось отношение к пожилым людям на протяжении человеческой истории, невозможно без адекватной теоретической модели, которая объясняла бы не только направление изменений, но и их периодизацию. Классическая теория модернизации, сформулированная Когхиллом и Холмсом в их книге «Aging and Modernization», постулировала обратную зависимость между уровнем индустриализации и статусом пожилых людей: чем более индустриализированной становится страна, тем ниже статус, присваиваемый старшему поколению. Эта модель, доминировавшая в геронтологической мысли на протяжении нескольких десятилетий, предлагала простую и интуитивно понятную линейную зависимость, казавшуюся убедительной на фоне наблюдаемого снижения авторитета старшего поколения в развитых индустриальных странах.

Однако более тщательное изучение исторических и антропологических данных, принятое Гарольдом Коксом в 1990 году, позволило выявить существенные недостатки линейной модели и предложить альтернативную концепцию, значительно лучше описывающую реальную динамику. Кокс обратил внимание на то, что статус пожилых людей в доиндустриальных обществах не был единообразно высоким, а варьировался в зависимости от типа социальной организации и способа производства. Это наблюдение привело его к выводу, что связь между социально-экономическим развитием и положением старшего поколения имеет нелинейный, S-образный характер.

Предложенная Коксом S-образная кривая описывает четыре последовательные стадии, через которые, согласно его модели, проходит отношение общества к пожилым людям. На первой стадии, соответствующей ранним кочевым племенам, статус старейшин был низким – в условиях постоянной мобильности и крайне ограниченных ресурсов содержание немощных членов группы становилось непозволительной роскошью. Вторая стадия, характеризующая оседлые аграрные общества, ознаменовалась значительным повышением статуса пожилых людей – в условиях стабильного производства продуктов питания и накопления знаний о земледелии старейшины становились носителями ценного опыта и контролёрами ключевых ресурсов. Третья стадия – индустриальное общество – принесла новое снижение статуса: фабричное производство, технический прогресс и урбанизация обесценили опыт и знания, накопленные пожилыми людьми в аграрной экономике. Наконец, четвёртая стадия – постиндустриальное общество – по прогнозу Кокса, может принести частичное восстановление статуса пожилых людей, поскольку в экономике услуг и информационном обществе появляются новые ниши, в которых опыт и мудрость старшего поколения вновь обретают ценность.

Модель S-образной кривой имеет важное эвристическое значение, поскольку она позволяет преодолеть упрощённое представление о «золотом веке» старости в прошлом и увидеть историческую динамику статуса как сложный, многократно менявшийся процесс. При этом, как справедливо отмечают исторические демографы, реконструкция возрастных характеристик для доиндустриальных обществ сталкивается с серьёзными методологическими трудностями – систематические записи о рождениях, браках и смертях появляются лишь с наступлением так называемой «статистической эры» (в большинстве европейских стран – с середины XIX века). Это означает, что наши знания о статусе пожилых людей в более отдалённые исторические периоды во многом опираются на аналогии с сохранившимися традици-

онными обществами и на фрагментарные письменные источники, что требует осторожности в интерпретациях.

Старость в кочевых обществах: выживание против почтения

Кочевые общества охотников и собирателей представляют собой первый тип социальной организации, в котором, согласно модели Кокса, статус пожилых людей был минимальным. Для понимания причин этого явления необходимо обратиться к фундаментальному соотношению между вкладом пожилых людей в жизнь группы и издержками, которые группа несёт на их содержание. В условиях крайне сурового существования, типичного для кочевых племён, почитание старейшин было роскошью, которую общество попросту не могло себе позволить.

Исследование Лео Симмонса, проведённое в 1945 году и охватившее 39 племён, показало, что практика пренебрежения и оставления пожилых людей была обычным явлением в 18 из них. Эти данные свидетельствуют о том, что пренебрежение старыми людьми в кочевых обществах было не случайным отклонением, а системной практикой, диктуемой объективными условиями выживания. У индейцев сириано в Боливии, например, старость для мужчин наступала уже в возрасте 30–40 лет, поскольку именно в этом возрасте они переставали быть эффективными охотниками и вносить вклад в продовольственные запасы племени. Старых охотников заставляли чувствовать себя ненужными и бесполезными, их унижали и пренебрегали ими.

Особенно показательным является положение женщин в кочевых обществах. Женщины оказывались в несколько лучшем положении, чем мужчины, поскольку их основные виды деятельности – собирательство, домашние заботы, присмотр за детьми – могли сохраняться дольше, чем изнурительная охота. Кроме того, пожилые женщины могли присматривать за детьми и больными, высвобождая более молодых женщин для продуктивной деятельности. Однако это преимущество было относительным – в условиях общего дефицита ресурсов даже пожилые женщины не были защищены от пренебрежения.

Способы избавления от пожилых членов группы в кочевых обществах варьировались от относительно «мягких» до жестоких. У индейцев чиппева пожилых людей оставляли умирать, когда бремя их содержания начинало угрожать существованию всей группы или семьи. У индейцев хопи, кри и кроу, а также у бушменов Южной Африки стариков оставляли в специально построенных для этой цели хижинах. Миссионер Джеймс Моффат сообщал о старой готтентотке, найденной им в пустыне, которая сказала: «Мои собственные дети... оставили меня здесь умирать». Эскимосы уговаривали стариков лечь в снег и ждать смерти, а якуты Сибири изгоняли их из семьи, принуждая становиться нищими и рабами.

В некоторых кочевых обществах практиковалось ритуальное умерщвление пожилых людей – практика менее распространённая, чем простое оставление или пренебрежение, но достаточно хорошо задокументированная. У коряков Северной Сибири убивали как стариков, так и неизлечимо больных. У чукчей Сибири существовал ритуал торжественного умерщвления старейшин – в их честь устраивался большой праздник, после чего осуждённого душили сзади – его сын или младший брат. Важно отметить, что во многих обществах проводилось различие между теми, кто был стар, но ещё здоров, и немощными пожилыми людьми. Полукочевые готтентоты Африки, например, признавали важность старейшин как хранителей культуры и председателей обрядов перехода (вдовство, выздоровление, подростковый возраст), но после того, как у пожилого человека начиналось ухудшение способностей, его пренебрегали – после праздника, на который собиралась вся деревня, старика отводили в отдалённую хижину, где он умирал от голода или становился жертвой диких зверей.

Однако было бы упрощением утверждать, что все кочевые общества одинаково пренебрежительно относились к своим старикам. Симмонс отмечал, что, несмотря на короткую среднюю продолжительность жизни в первобытных обществах, те, кто доживал до старости, часто сохраняли значительную активность и пользовались уважением. Яганы Огненной Земли, отно-

сившиеся к числу самых примитивных из известных племён, проявляли большую любовь и привязанность к своим старикам. У алеутов Алеутских островов оставить старика считалось позором, и молодые часто жертвовали собой ради родителей. Эти исключения свидетельствуют о том, что даже в экстремальных условиях выживания культурные нормы могли смягчать суровые экономические императивы.

Расцвет статуса в аграрных обществах: стабильность и накопление

Переход к оседлому земледелию стал той исторической развилкой, которая радикально изменила положение пожилых людей в обществе. Как отмечает Кокс в своей S-образной модели, именно в оседлых аграрных сообществах статус старейшин достиг своего исторического максимума. Это повышение статуса было обусловлено двумя взаимосвязанными факторами: изменением экономической структуры и возможностью контроля над ключевыми ресурсами.

В обществах с постоянным местожительством и стабильными запасами продовольствия появлялась возможность проявлять больше великодушия по отношению к тем, кто становился зависимым. Древний Израиль, Китай и инки Перу разработали сложные правила распределения пищи, предусматривавшие особое отношение к старым и немощным. У инков пожилые люди получали питание и одежду из общественных хранилищ, и это право было закреплено в законе. Ацтеки также обеспечивали содержание зависимых за счёт общественных средств – часть дани, поступавшей из провинций, и военные трофеи направлялись на содержание вдов, сирот, больных и стариков.

В стабильных аграрных экономиках появлялись возможности для экономического участия пожилых людей, которые были невозможны в простых обществах охотников. У инков Перу пожилые люди, неспособные к полной работе, использовались как пугала для отпугивания птиц и грызунов с полей. Пожилые женщины чиппева руководили молодыми работниками, а пожилые андаманцы присматривали за детьми и больными, руководили такими видами деятельности, как перенос лагерей и строительство каноэ. Эти примеры показывают, что в аграрных обществах даже пожилые люди с ограниченными физическими возможностями могли находить социально полезные роли, что укрепляло их положение в группе.

Однако ключевым фактором высокого статуса пожилых людей в аграрных обществах был их контроль над властью и редкими ресурсами. Как отмечает антропологическая литература, положение старейшин определялось двумя факторами: соотношением вклада и издержек, а также степенью контроля пожилых людей над ресурсами, необходимыми другим членам группы для достижения их собственных целей. В оседлых обществах старшие часто получали доступ к политическим позициям, в которых обычаи и законы группы давали им значительную власть.

Существует два типа политически влиятельных позиций, которые пожилые люди могли занимать в традиционных обществах. Первый тип – власть, автоматически присваиваемая каждому (или почти каждому) человеку, достигшему определённого культурно определённого возрастного уровня. Примером могут служить возрастные стратифицированные социальные группы, где старейшины осуществляют власть коллективно, как в некоторых восточноафриканских племенах. В таких обществах старейшины используют накопленный опыт, навыки и такт в политических, гражданских и юридических делах группы. Этот тип организации отражает социальную структуру, в которой мудрость и знание связаны со старостью, и часто воспроизводится внутри семьи, где группой управляет старший мужчина.

Второй тип – это позиции, занимаемые некоторыми пожилыми людьми исключительно на основе личных качеств. Симмонс отмечал, что из 71 племени, которые он изучал, в 56 были старые вожди, и старшие члены племени неизменно выполняли функции советников вождя. При этом возраст сам по себе не был единственным критерием для занятия таких должностей – обычно назначались только старшие мужчины, ранее продемонстрировавшие лидерские каче-

ства. У киргизов Афганистана существовала иерархия из трёх уровней политической власти – глава лагеря, глава рода и хан, глава всей группы. Доступ к каждой из этих позиций определялся сочетанием богатства, способностей и старшинства, и занимали их самые старые и самые богатые главы домохозяйств.

Особое место в системе аграрного уважения к старости занимал контроль над знанием, особенно связанным с ритуальными и религиозными практиками племени. Исследования показывают, что, хотя степень политической власти пожилых людей сильно варьировалась, их монополия на знание, особенно ритуальное, была гораздо более универсальной. Кикуйю с горы Кения пользовались уважением за свою мудрость, их старейшины считались благочестивыми, святыми существами, отстранёнными от мирского, поэтому они выступали в роли судей, будучи свободными от страстей и способными на беспристрастные решения. Пожилые женщины также пользовались большим уважением – особенно те, у которых не было зубов, они считались исполненными мудрости и хоронились с церемониями, а не оставлялись гиенам.

Роль памяти была особенно важна для статуса пожилых людей во многих обществах. Примером могут служить мяо, проживающие в высокогорных лесах Китая и Таиланда, – именно старики передают традиции группы, и именно эта способность является источником их высокой репутации. Пожилые люди выступают здесь как носители и интерпретаторы культуры, обеспечивая её преемственность. Для мусульман менде в Сьерра-Леоне знание истории страны, жизни основателей и генеалогии племени было обязательным условием для занятия должности вождя. Поскольку пожилые люди находились ближе к духам предков, чем остальные члены семьи, они выступали как посредники между духовным и светским мирами.

Важно подчеркнуть, что даже в обществах, где пожилые люди пользовались высоким статусом и уважением, этот статус не был универсальным и безусловным. Анализ опыта старения среди народов, говорящих на языке кхоса в Южной Африке, показывает, что возраст сам по себе никогда не определял экономический статус или социальную идентичность человека – гендер, родство и биографически обусловленные факторы оказывали не менее существенное влияние на опыт старения. Представление о старости как об абстрактной сущности, как показывает исследование Сагнера, является западной конструкцией, отражающей эйджистское восприятие, а не реальность старения в доколониальных африканских обществах.

Конфуцианская модель: институционализация сыновней почтительности

Особого рассмотрения заслуживает конфуцианская модель отношения к старости, сложившаяся в Китае, Корее и Японии, и оказавшая глубокое влияние на всю восточноазиатскую цивилизацию. В отличие от многих других традиционных обществ, где уважение к старшим было важной, но не институционализированной нормой, конфуцианство создало целостную систему сыновней почтительности (сяо), ставшую краеугольным камнем социального порядка.

В основе конфуцианской модели лежит представление о том, что уважение к старшим и забота о них являются не просто моральным долгом, но фундаментальной добродетелью, на которой строится гармония в семье и обществе. Как отмечается в исследованиях китайской семьи, конфуцианская доктрина определяет сяо как широкий спектр практик, включающих уважение, послушание, лояльность, финансовую помощь и физическую заботу о родителях. Конфуций подчёркивал, что взрослые дети должны прилагать максимум усилий в служении родителям, обеспечивая удовлетворение материальных потребностей и проявляя почтение и послушание.

Институционализация этой нормы прослеживается во многих сферах общественной жизни. Например, в танском Китае (VII–X века) существовала система освобождения от налогов и трудовой повинности для тех, кто ухаживал за престарелыми родителями, поскольку считалось, что люди старше 80 лет нуждаются в помощниках. Эта система, известная как цзыти, действовала с начала до середины периода Тан и в этот период постоянно совершенствовалась в улучшении обращения с пожилыми людьми.

Важно отметить, что конфуцианская модель не была статичной – она претерпевала значительные изменения под влиянием политических, экономических и культурных трансформаций. В период Мао Цзэдуна (1949–1976), когда продвигалась идеология классовой борьбы, революции и самопожертвования ради построения идеального коммунистического общества, традиционная концепция сыновней почтительности утратила идеологическую и институциональную основу. Однако уже Закон о браке 1950 года и последующие законодательные акты подчёркивали взаимные обязательства членов семьи, что указывало на сохранение семейной обязанности как ключевой характеристики китайского общества даже в период упадка традиционных норм.

Переход Китая от плановой коллективизированной экономики к рыночной в 1978 году создал новые вызовы для конфуцианской модели. Децентрализация и приватизация государственных предприятий положили конец эпохе пожизненной занятости, разрушив роль государства как поставщика социальных услуг – здравоохранения, ухода за детьми, субсидируемого жилья и пенсий. В этих условиях семейный уход стал ещё более необходимым из-за разрушения прежних форм государственного обеспечения, и при этом именно женщины оказались основными поставщиками личного ухода, тратя в среднем 26,6 часа в неделю на заботу о старших по сравнению с 15,6 часами у мужчин.

Политика одного ребёнка, проводившаяся в Китае с конца 1970-х годов, изменила структуру семьи до модели 4–2–1 (четыре бабушки и дедушки, двое родителей и один ребёнок), что привело к формированию ориентированной на ребёнка семьи. Дети в таких семьях с большей вероятностью становились эгоцентричными, а распространение индивидуалистических идей с 1978 года создавало конкуренцию традиционным семейным обязанностям. Однако, несмотря на эти тенденции, исследования показывают, что сыновняя почтительность всё ещё играет значительную роль в китайском обществе, хотя отношение к ней и практика её осуществления претерпели изменения – чувство обязанности сохраняется, но в новых формах.

Современные исследования молодых китайских женщин показывают, что практика сяо включает три уровня: обеспечение родителей необходимыми материальными средствами для удовлетворения физических потребностей; внимание к желаниям родителей и подчинение их предпочтениям; поведение, приносящее родителям радость и честь. Эти практики варьируются от личного ухода и экономической поддержки до подарков и эмоциональной поддержки, причём конкретные формы зависят от ситуации как детей, так и их родителей и родителей супругов. Важным аспектом современной интерпретации сяо является то, что быть почтительным недостаточно – необходимо также демонстрировать почтительность, которая становится частью социального лица (мяньцзы) как детей, так и родителей.

Индустриальная революция: разрыв традиции

Индустриальная революция XVIII–XIX веков стала тем историческим рубежом, который радикально трансформировал статус пожилых людей в западных обществах и создал модель, впоследствии распространившуюся на другие регионы мира. Как отмечает Кокс в своей S-образной модели, именно индустриальная эпоха принесла новое снижение статуса старейшин.

Переход от аграрной экономики к промышленной изменил саму структуру знаний и навыков, востребованных обществом. Опыт земледельца, знание циклов природы, традиционные ремесленные навыки – всё это утрачивало ценность в условиях фабричного производства, требовавшего иных качеств: способности к монотонной работе, физической выносливости, подчинения машинному ритму. Пожилые работники оказывались неконкурентоспособными на новом рынке труда, и это создавало основу для возрастной дискриминации – молодые работники стремились заменить старших, поскольку те не могли соответствовать новым требованиям производства.

Исследования, объединяющие остеoarхеологические, текстуальные и культурные данные, показывают, что опыт старения в индустриальный период был глубоко дифференцирован

по полу и социальному статусу. Физические последствия увечий, накладываемых индустриализованным обществом, и процессы старения рассматриваются в исследованиях на примере индивидуальных скелетных биографий рабочего класса в Хейзел-Гроув, Стокпорте и Саут-Шилдсе. В то время как физически неполноценные тела часто воспринимались как маргинальные или «чужие», официальные отчёты, медицинские источники и социально-политические комментарии того времени свидетельствуют о том, что физические различия были ожидаемым и «нормальным» опытом для рабочего класса. Значительные слои работающего населения подвергались риску инвалидности из-за производственных травм, болезней и плохих условий жизни, и это часто концептуализировалось как преждевременное старение.

Таким образом, наступление старости в индустриальном обществе определялось профессией, а на фоне углубляющегося разделения труда и экономических возможностей – и полом. Для рабочих старость часто наступала задолго до биологического возраста, поскольку износ организма под воздействием тяжёлого труда и неблагоприятных условий делал человека «старым» уже в 40–50 лет. В этом контексте история старости и история инвалидности оказываются неразрывно связанными – в индустриальном обществе быть старым часто означало быть физически непригодным к труду, что, в свою очередь, означало исключение из экономической жизни.

Географическая мобильность, ставшая характерной чертой индустриализации, разрывала межпоколенческие связи, которые были прочными в аграрных обществах. Молодые люди мигрировали в города в поисках работы на фабриках, оставляя пожилых родителей в сельской местности. Нуклеарная семья постепенно вытесняла расширенную, которая в традиционных обществах обеспечивала уход за стариками. Появление пенсионных систем, как отмечается в исследованиях, создало институциональный механизм исключения пожилых людей из экономической жизни – они официально признавались «вышедшими из оборота».

Особенно показательной была ситуация с бедностью пожилых людей в индустриальный период. Теория модернизации утверждает, что пожилые члены общества не смогли сохранить своё экономическое положение в нациях, которые экономически развивались в это время, поскольку новые навыки и технологии заменили более примитивные формы производства. В отсутствие централизованных государственных пенсионных систем большинство пожилых людей работали до тех пор, пока позволяло здоровье. Когда они теряли работу и становились бедными, они полагались на семью и местные службы социального обеспечения.

Английский Закон о бедных 1834 года стал воплощением нового отношения к бедности и старости. Старость более не рассматривалась как заслуга, дающая право на поддержку, – пожилые бедняки помещались в работные дома, где условия жизни были суровыми и унижительными. Старость становилась социальным бременем, проблемой, которую общество стремилось институционализировать и сделать невидимой.

В Соединённых Штатах некоторые историки идентифицировали тенденции, указывающие на то, что старость становилась менее желательным состоянием ещё до индустриализации – например, принятие законов об обязательном выходе на пенсию для судей и растущая популярность стилей одежды, подчёркивающих молодость. Однако критики этой позиции отмечают, что, поскольку неизвестно точно, когда начались эти тенденции, модернизацию как причину нельзя полностью исключать.

Институционализация исключения: пенсионные системы

Создание государственных пенсионных систем стало одним из ключевых факторов институционального исключения пожилых людей из общественной жизни. То, что начиналось как прогрессивная мера социальной защиты, со временем превратилось в механизм, фиксирующий маргинальный статус пожилых людей и формирующий представление о них как о «иждивенцах».

В США, как и во многих других индустриальных странах, до Великой депрессии не существовало централизованной пенсионной системы. Ситуация изменилась с принятием Закона о социальном обеспечении 1935 года, который предложил некоторую надежду на будущее благополучие пожилых людей в форме государственных пенсий для работников, выходявших на пенсию в возрасте 65 лет. Важно отметить, что американские лидеры долгое время не решались вводить программы социального обеспечения из-за их предполагаемого потенциала подрыва капиталистического стимула работать ради заработка. Компромисс, достигнутый при президенте Франклине Рузвельте, заключался в том, что пенсии получали только те пожилые пенсионеры, которые вносили вклад в систему через обязательные отчисления из зарплаты в течение как минимум 10 лет.

Расширение права на государственные пенсии в США в 1940-х и 1950-х годах привело к тому, что система стала охватывать не только пожилых людей, но и инвалидов, а также детей и оставшихся в живых супругов умерших работников. Частные пенсии также значительно выросли в этот период. Введение Medicare и Medicaid в 1960-х годах сделало государственное медицинское страхование доступным для пожилых людей и инвалидов, а Supplemental Security Income предоставлял социальные пособия пожилым людям и инвалидам, которые не имели достаточного трудового стажа для получения обычных пособий Social Security, но были бедны.

Несмотря на эти прогрессивные изменения, пенсионная система закрепила институциональное исключение пожилых людей из экономической жизни. Выход на пенсию стал восприниматься не как право на отдых, а как переход в категорию «непроизводительных» членов общества. Обязательный выход на пенсию в определённом возрасте (обычно 65 лет) создавал чёткую возрастную границу, за которой человек переставал считаться полноценным участником экономической и социальной жизни.

В конце XX века были приняты поправки, улучшающие ситуацию: индексация пенсий в соответствии с ростом стоимости жизни, смягчение правил обязательного выхода на пенсию для получения пособий. Программа Medicaid также начала покрывать около половины расходов на растущее население домов престарелых. Однако институциональная логика осталась неизменной: пожилые люди рассматривались как особая категория, требующая поддержки, а не как полноценные члены общества, способные вносить вклад в его развитие.

Урбанизация и трансформация семьи

Урбанизация, ставшая неотъемлемой спутницей индустриализации, привела к фундаментальной трансформации семейной структуры, что имело далеко идущие последствия для статуса пожилых людей. Традиционная расширенная семья, в которой несколько поколений жили вместе и обеспечивали взаимную поддержку, уступила место нуклеарной семье, состоящей из родителей и детей.

Географическая мобильность, стимулируемая индустриализацией, разрывала связи между поколениями. Молодые люди всё чаще уезжали из родительских домов в поисках работы и образования, создавая собственные семьи далеко от родителей. Это означало, что пожилые люди оставались без привычной системы поддержки, которую обеспечивала расширенная семья. В то же время они не были интегрированы в новые городские сообщества, где существовали иные формы социальных связей.

Изменение роли женщин в обществе также способствовало снижению статуса пожилых людей. В традиционных обществах женщины, особенно те, кто не был занят на производстве, выполняли функции по уходу за пожилыми родителями. С ростом женской занятости эта функция перешла либо в сферу государственных социальных служб, либо просто перестала выполняться. Как отмечается в исследованиях китайской семьи, даже в обществах с сильной конфуцианской традицией женщины остаются основными поставщиками ухода за пожилыми,

но это происходит в условиях растущего конфликта между работой и семейными обязанностями.

Демографические изменения – снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни – привели к феномену «песочных часов» в структуре семьи: пожилые родители живут дольше, а количество детей, которые могли бы заботиться о них, сокращается. Это создаёт дополнительную нагрузку на социальные системы и одновременно снижает «переговорную силу» пожилых людей, которые в традиционных обществах могли рассчитывать на заботу со стороны многочисленного потомства.

Перспектива постиндустриального восстановления

Заключительная стадия S-образной кривой Кокса предполагает возможность частичного восстановления статуса пожилых людей в постиндустриальный период. Этот прогноз, сделанный в 1990 году, требует критической проверки на основе данных, накопленных за прошедшие десятилетия.

Аргументы в пользу возможного восстановления статуса основываются на изменении характера экономической деятельности в постиндустриальном обществе. В экономике знаний и услуг ценность приобретают не столько физическая сила и способность к монотонной работе, сколько опыт, мудрость, способность к аналитическому мышлению и передаче знаний. Пожилые люди, обладающие богатым профессиональным и жизненным опытом, могут оказаться востребованными в новых качествах – как наставники, консультанты, эксперты.

Однако реализация этого потенциала сталкивается с серьёзными препятствиями. Технологический разрыв, культурная ориентация на молодость, институциональные барьеры – всё это продолжает ограничивать возможности пожилых людей в постиндустриальном обществе. Даже в тех сферах, где опыт и мудрость потенциально ценны, возрастные стереотипы и дискриминационные практики часто препятствуют их реализации.

Кроме того, как показывают современные исследования, экономическое развитие оказывает сложное и неоднозначное влияние на статус пожилых людей. В обществах с высоким уровнем экономического развития пожилые люди сталкиваются не только с большей социальной защитой, но и с более жёсткими культурными нормами, ориентированными на молодость. Высокий уровень жизни может смягчать негативные последствия возрастной дискриминации, но не устраняет её культурных оснований.

Историческая вариативность: обобщающие выводы

Проведённый исторический анализ позволяет сформулировать несколько обобщающих выводов о динамике статуса старости в человеческой истории.

Во-первых, статус пожилых людей не был единообразно высоким или низким на протяжении истории – он варьировался в зависимости от конкретных социально-экономических условий. Кочевые общества, аграрные общества, индустриальные общества – каждый тип социальной организации создавал собственную модель отношения к старости. Как подчёркивал Симмонс, в первобытных обществах, несмотря на короткую продолжительность жизни, те, кто доживал до старости, часто сохраняли активность и пользовались уважением.

Во-вторых, высокий статус пожилых людей в традиционных обществах был не столько следствием моральных установок, сколько результатом их объективной ценности для выживания группы. Старейшины контролировали знание, необходимое для выживания – историю, генеалогии, ритуалы, технические навыки. Они также часто контролировали экономические ресурсы, что давало им рычаги власти. Утрата статуса в индустриальном обществе была следствием изменения объективных условий, а не морального падения.

В-третьих, конфуцианские общества демонстрируют, что высокий статус пожилых людей может быть институционализирован на уровне культурных норм и государственной политики. Однако даже эта модель, существовавшая веками, оказалась уязвимой перед вызовами модернизации – экономических реформ, демографических изменений и культурной трансформации.

ции. Как показывают современные исследования, хотя сыновняя почтительность остаётся значимой ценностью в китайском обществе, её практика претерпевает глубокие изменения, а статус пожилых людей снижается.

В-четвёртых, индустриальная революция создала прецедент институционального исключения пожилых людей через систему пенсионного обеспечения. То, что начиналось как прогрессивная мера социальной защиты, закрепило маргинальный статус пожилых людей и сформировало представление о них как об иждивенцах. Пенсионные системы создали чёткую возрастную границу между «трудоспособными» и «нетрудоспособными», что имеет долгосрочные культурные последствия, выходящие далеко за рамки экономической политики.

В-пятых, прогноз Кокса о возможном частичном восстановлении статуса пожилых людей в постиндустриальном обществе остаётся открытым вопросом. Хотя в экономике знаний и услуг появляются новые ниши для пожилых людей, реализация этого потенциала сталкивается с серьёзными препятствиями – возрастными стереотипами, технологическими барьерами и институциональной инерцией. Будет ли постиндустриальное общество действительно «эпохой восстановления» или лишь новой формой исключения – зависит от способности общества осознать и преодолеть механизмы эйджизма, уходящие корнями в глубину веков.

Глава 2. Модернизация как фактор обесценивания. Экономика против возраста

Теоретический фундамент: теория модернизации Когхилла и Холмса

Теория модернизации, сформулированная Дональдом Когхиллом и Лоуэллом Холмсом в их новаторской работе 1972 года «Aging and Modernization», стала одной из наиболее влиятельных концепций в геронтологии, предложив системное объяснение снижения статуса пожилых людей в процессе социально-экономического развития. Центральный тезис теории предельно ясен: чем более индустриализированной становится страна, тем ниже статус, присваиваемый обществом пожилым людям. Когхилл и Холмс выделили четыре ключевых аспекта модернизации, которые в совокупности приводят к обесцениванию старшего поколения: развитие медицинских технологий, экономические технологии, массовое образование и урбанизация.

Каждый из этих аспектов действует через специфические механизмы. Развитие медицинских технологий, включающее санитарную инженерию, очистку воды, улучшение питания и медицинские открытия, способствует снижению смертности и увеличению продолжительности жизни. Это приводит к росту численности и доли пожилых людей в структуре населения, что, согласно логике теории, усиливает межпоколенческую конкуренцию и ведёт к снижению статуса старейшин по мере роста их численности и пропорции в обществе.

Экономические технологии – индустриализация, появление новых профессий, углубление специализации и усложнение профессиональных навыков – создают ситуацию, в которой пожилые работники оказываются в невыгодном положении. В условиях стремительного технологического обновления навыки старшего поколения воспринимаются как устаревшие. Молодые работники, лучше образованные и более адаптивные к новым технологиям, получают конкурентное преимущество на рынке труда, вытесняя старшее поколение.

Массовое образование выступает ещё одним фактором снижения статуса пожилых людей. Распространение грамотности и профессионального образования делает молодые поколения более информированными и технически подготовленными, чем их родители. В результате инверсии статуса – когда молодые оказываются более образованными, чем старшие – утрачивается традиционная роль старейшин как носителей знания и мудрости. Возникает интеллектуальная и моральная сегрегация между поколениями, что дополнительно снижает социальный статус пожилых людей.

Наконец, урбанизация, четвёртый аспект модернизации, ведёт к географической и социальной мобильности, которая ослабляет связи расширенной семьи и подрывает авторитет старшего поколения. Неолокальные браки, когда молодая семья основывает отдельное домохозяйство, ведут к пространственной сегрегации поколений и ослаблению межпоколенческих связей. В сочетании с социальной мобильностью это увеличивает социальную дистанцию между пожилыми людьми и их взрослыми детьми, что в конечном итоге приводит к социальной сегрегации и снижению статуса пожилых.

Когхилл и Холмс сформулировали 22 тезиса, описывающих взаимосвязь между модернизацией и статусом пожилых людей. Среди наиболее значимых – тезис о том, что статус пожилых высок в примитивных обществах и снижается в модернизированных; что стабильность проживания благоприятствует высокому статусу, тогда как мобильность его подрывает; что статус высок в аграрных обществах и низок в урбанизированных; что уход на пенсию является «современным изобретением», характерным для высокопроизводительных обществ; и что индивидуалистическая система ценностей Запада снижает безопасность и статус пожилых людей.

Особое внимание в теории уделяется переходу от расширенной семьи, где пожилые люди имели чётко определённое место и авторитет, к нуклеарной семье, где их роль становится неопределённой и маргинальной. В доиндустриальных обществах сильные социальные нормы обязывали молодое поколение заботиться о старших. С индустриализацией эта обязанность трансформируется из безусловной в добровольную, а забота о пожилых родственниках становится делом личного выбора, который может быть проигнорирован без страха общественного порицания.

Методологические вызовы и эмпирическая проверка теории

Несмотря на концептуальную ясность и эвристическую ценность, теория модернизации Когхилла и Холмса столкнулась с серьёзными методологическими вызовами при попытке её эмпирической проверки. Во-первых, операционализация «статуса пожилых людей» оказалась сложной задачей – что именно измерять: субъективный социальный статус, экономическое положение, политическое влияние, уважение в семье, или некую интегральную величину? Разные исследования использовали разные индикаторы, что затрудняло сопоставление результатов.

Во-вторых, накопленные эмпирические данные давали противоречивые результаты. Некоторые исследования подтверждали негативную связь между модернизацией и статусом пожилых, другие показывали позитивную связь, а третьи не находили значимой связи вовсе. Эти противоречия могли быть связаны с различиями в методологии, временными периодами, культурными контекстами и конкретными индикаторами, используемыми в исследованиях.

В 2022 году вышло масштабное исследование, предпринявшее попытку систематической проверки теории Когхилла на основе данных Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, Wave 6, 2010–2014), охвативших 78 904 респондента из 58 стран. Исследователи использовали показатель «воспринимаемого социального статуса людей в возрасте семидесяти лет» (PSS70), определённый как относительный статус людей в возрасте семидесяти лет по сравнению с людьми в возрасте сорока лет. Такой подход позволял измерить именно относительный статус старшей возрастной группы, а не абсолютный уровень благополучия.

Результаты многоуровневого регрессионного анализа показали, что уровень модернизации действительно имеет сильную негативную связь с воспринимаемым статусом пожилых людей, что в целом подтверждает теорию Когхилла. Однако эта связь была обусловлена преимущественно одним компонентом модернизации – долей пожилых людей в структуре населения. То есть ключевым фактором снижения статуса оказывается не столько технологическое развитие как таковое, сколько демографический сдвиг – рост численности и доли старшего поколения в общей популяции.

Ассоциации оказались значительно более сложными при учёте культурных зон. Два культурных региона продемонстрировали существенные отклонения от общей закономерности. Мусульманские страны показали более высокий уровень воспринимаемого статуса пожилых людей независимо от уровня модернизации, а в посткоммунистических странах этот уровень был ниже, чем можно было бы ожидать, и снижался по мере модернизации. Исследование выявило, что в мусульманских странах связь между модернизацией и статусом пожилых была практически нулевой, тогда как в посткоммунистических странах она была сильно отрицательной. Таким образом, культурные условия выступают важным модератором влияния модернизации, ограничивая или усиливая действие экономических и демографических факторов.

Экономическое развитие как двойственный фактор

Эмпирические исследования последних лет показывают, что экономическое развитие оказывает на статус и благополучие пожилых людей двойственное, а часто и парадоксальное влияние. Крупное исследование, проведённое Ченом и Мэн (2025) на основе данных Всемирного исследования ценностей, охватившее 15 697 пожилых людей (в возрасте 55+) из 43 стран,

показало, что воспринимаемый эйджизм негативно связан как с удовлетворённостью жизнью, так и со счастьем. Однако характер этой связи существенно зависит от макроэкономического контекста.

Высокий ВВП на душу населения смягчает негативные последствия эйджизма для субъективного благополучия пожилых людей. Этот эффект объясняется несколькими механизмами. Во-первых, в странах с высоким уровнем экономического развития существуют более надёжные системы социальной защиты – всеобъемлющие пенсионные системы и доступ к качественному здравоохранению, которые удовлетворяют потребности пожилых людей в автономии и безопасности. Во-вторых, богатые страны демонстрируют более тёплые общественные установки по отношению к пожилым людям и более высокий субъективный социальный статус старшего поколения. В-третьих, способность пожилых людей поддерживать своё благополучие, несмотря на потенциальные стрессоры, как показывают исследования, ограничена странами с высоким уровнем экономического развития.

Однако исследование также выявило неожиданные и парадоксальные закономерности. Политическая стабильность, вопреки ожиданиям, усилила негативное влияние воспринимаемого эйджизма на субъективное благополучие. Это означает, что в политически стабильных обществах возрастная дискриминация воспринимается как более несправедливая и потому оказывает более сильное психологическое воздействие. В нестабильных политических системах пожилые люди, возможно, имеют более низкие ожидания относительно справедливости и менее остро переживают эйджизм, поскольку дискриминация воспринимается как часть общего беспорядка.

Ещё один парадоксальный результат касается культурной ориентации на долгосрочные ценности. Так называемая «долгосрочная ориентация» – ценности, связанные с планированием на поколения вперёд, накоплением и традицией, – усилила негативную связь между возрастными стереотипами и благополучием. Это означает, что в обществах, где уважение к старшим является культурной нормой и закреплено в традициях, опыт эйджизма переживается острее, поскольку противоречит базовым ценностным установкам. Таким образом, культурное ожидание уважения делает его отсутствие более болезненным.

Индивидуализм, в отличие от долгосрочной ориентации, не показал значительного модерационного эффекта. Этот результат требует дальнейшего осмысления, но может указывать на то, что в индивидуалистических обществах, где ожидания уважения к старшим изначально ниже, эйджизм воспринимается как естественное положение вещей и не вызывает дополнительного психологического дискомфорта.

Механизмы связи: почему модернизация снижает статус

Теория модернизации предлагает несколько взаимосвязанных механизмов, через которые социально-экономическое развитие ведёт к снижению статуса пожилых людей. Анализ этих механизмов позволяет понять, почему модернизация, несмотря на повышение материального уровня жизни, сопровождается утратой уважения к старшему поколению.

Первым механизмом является демографический сдвиг – увеличение численности и доли пожилых людей в населении. В обществах с высокой долей старшего поколения пожилые люди перестают быть редким ресурсом и начинают восприниматься как социальное бремя. Возрастает конкуренция за ресурсы между поколениями, особенно в условиях ограниченных бюджетных средств. В 1950 году федеральное правительство США выплатило 781 миллион долларов по программе Social Security; к 2008 году эта сумма выросла до 296 миллиардов долларов – в 870 раз больше. Рост затрат на социальное обеспечение и здравоохранение для пожилых людей вызывает общественное недовольство и укрепляет стереотип о пожилых как о «паразитах» на теле общества.

Второй механизм – инверсия знания и навыков. В аграрных обществах знание, необходимое для выживания и процветания (сельскохозяйственные техники, генеалогии, риту-

алы), аккумулировалось с возрастом и не могло быть быстро получено молодыми. С распространением массового образования, письменности и цифровых технологий знание становится доступным независимо от возраста. Более того, в условиях быстрого технологического обновления знания, накопленные старшим поколением, быстро устаревают и обесцениваются. Массовое образование делает молодые поколения более грамотными и технически подготовленными, чем их родители, что ведёт к инверсии статуса и ставит под сомнение традиционный авторитет старейшин.

Третий механизм – изменение структуры семьи. Индустриализация и урбанизация ведут к переходу от расширенной семьи к нуклеарной, от стабильности проживания к географической мобильности, от коллективистских к индивидуалистическим ценностям. Расширенная семья в традиционных обществах обеспечивала пожилым людям не только экономическую поддержку, но и социальный статус, роль, уважение. В нуклеарной семье, где молодые супруги основывают отдельное домохозяйство, пожилые родители часто оказываются на периферии семейной жизни. Как отмечает теория модернизации, с индустриализацией ответственность за обеспечение экономической безопасности зависимых пожилых людей смещается от семьи к государству, что институционализирует их исключение из межпоколенческих отношений.

Четвёртый механизм – экономическая маргинализация. В традиционных аграрных обществах пожилые люди могли продолжать выполнять полезные и ценимые функции – надзор за молодыми работниками, присмотр за детьми, руководство ритуальными практиками. Индустриализация создаёт ситуацию, в которой пожилые люди, неспособные к физическому труду на фабриках и не имеющие новых профессиональных навыков, оказываются экономически бесполезными. Уход на пенсию, будучи современным изобретением, создаёт институциональный механизм исключения: пожилые люди официально признаются «вышедшими из оборота» и перестают быть производительными членами общества.

Пятый механизм – культурная трансформация. Модернизация сопровождается переходом от коллективистских ценностей к индивидуалистическим, от традиции к инновации, от уважения к авторитету к критическому мышлению. В индивидуалистической промышленной культуре забота о пожилых родственниках рассматривается как добровольное обязательство, которое может быть проигнорировано без страха общественного порицания. Ценностные различия между поколениями, усугубляемые разрывом в образовании и доступе к информации, ведут к интеллектуальной и моральной сегрегации и дополнительно снижают статус старшего поколения.

Страны с низким и средним уровнем дохода: усиленная уязвимость

В то время как в странах с высоким уровнем дохода экономическое развитие может смягчать негативные последствия эйджизма, в странах с низким и средним уровнем дохода ситуация существенно иная. Исследования показывают, что в менее развитых странах негативные последствия возрастной дискриминации проявляются острее. Этот феномен имеет множество измерений и механизмов.

Слабые системы здравоохранения являются ключевым фактором уязвимости. В странах с низким и средним уровнем дохода доступ к качественной медицинской помощи ограничен, а пожилые люди, сталкивающиеся с дискриминацией при обращении за помощью, могут избегать медицинских учреждений, что ведёт к ухудшению здоровья и укрепляет стереотип о «болезненной старости». Систематический обзор 2020 года показал, что в менее развитых странах распространённость значимых ассоциаций между эйджизмом и здоровьем выше, чем в развитых странах. Недостаток адекватной поддержки психического здоровья усугубляет эти вызовы, что иллюстрируется резкими диспропорциями в доступности услуг психического здоровья между странами с высоким и низким уровнем дохода.

Ограниченная социальная защита является вторым критическим фактором. В странах с низким и средним уровнем дохода пенсионные системы часто охватывают лишь небольшую

часть населения, преимущественно формально занятых работников. Большинство пожилых людей, особенно в сельской местности и неформальном секторе, не имеют доступа к государственным пенсиям и вынуждены полагаться на ограниченную семейную поддержку. Слабые системы социальной защиты делают пожилых людей более уязвимыми для экономических шоков и семейных кризисов.

Усиление межпоколенческой конкуренции за скудные ресурсы является третьим фактором. В условиях ограниченных ресурсов – рабочих мест, образования, медицинских услуг, жилья – межпоколенческая конкуренция обостряется. Молодые поколения, сталкивающиеся с безработицей и экономической нестабильностью, могут воспринимать пожилых людей как конкурентов, занимающих рабочие места и потребляющих непропорционально большую долю общественных ресурсов. Это создаёт почву для межпоколенческих конфликтов и возрастной дискриминации.

Интересный парадокс возникает в странах с низким и средним уровнем дохода, где существуют позитивные стереотипы о компетентности пожилых людей. Как показывают исследования, в таких контекстах даже позитивные стереотипы могут обернуться против пожилых людей, создавая разрыв между общественными ожиданиями и ограниченными экономическими возможностями. Когда общество ожидает, что пожилые люди будут компетентными, мудрыми и активными, но экономические условия не предоставляют им возможностей для реализации этих качеств, возникает фрустрация и снижение благополучия. Пожилые люди, таким образом, оказываются в двойной ловушке: их ценят за качества, которые они не могут проявить из-за структурных ограничений, и затем обвиняют в несоответствии этим ожиданиям.

Важно отметить, что более 80% исследований в области старения происходят из стран с высоким уровнем дохода, на которые приходится лишь 31% глобального населения в возрасте 65 лет и старше. Это означает, что опыт пожилых людей в странах с низким и средним уровнем дохода остаётся существенно недоизученным. Эмпирические данные, которые существуют, указывают на то, что уязвимость пожилых людей в этих контекстах значительно выше, но систематическое понимание механизмов и последствий этой уязвимости остаётся ограниченным.

Культурные границы теории модернизации

Одним из наиболее значимых вкладов современных исследований является выявление культурных границ, в которых теория модернизации работает по-разному или вовсе не работает. Это открытие имеет фундаментальное значение для понимания того, почему одни общества, несмотря на высокий уровень модернизации, сохраняют уважение к старшему поколению, тогда как другие его утрачивают.

Мусульманские страны представляют собой показательный пример культурной границы теории модернизации. Исследование Руднева и Воклера (2022) показало, что в мусульманских странах воспринимаемый статус пожилых людей выше, чем можно было бы ожидать на основе уровня модернизации, и связь между модернизацией и статусом пожилых здесь практически нулевая. Этот феномен объясняется несколькими факторами. Во-первых, исламская культурная традиция содержит сильные нормы уважения к старшим, закреплённые в религиозных текстах и социальных практиках. Во-вторых, в мусульманских обществах сохраняются более сильные семейные связи и расширенные формы семьи, обеспечивающие пожилым людям социальную поддержку и статус. В-третьих, государственная политика в некоторых мусульманских странах может дополнительно поддерживать статус пожилых через социальные программы и законодательство. Таким образом, культурная традиция действует как «защитный слой», смягчающий или блокирующий негативное влияние модернизации на статус пожилых.

Посткоммунистические страны представляют собой противоположный случай. Здесь воспринимаемый статус пожилых людей ниже, чем можно было бы ожидать на основе уровня модернизации, и связь между модернизацией и снижением статуса особенно сильна. Этот феномен имеет исторические объяснения. В посткоммунистических странах произошёл резкий разрыв с традиционными системами ценностей в процессе коммунистической трансформации, а затем – второй разрыв в процессе посткоммунистического перехода к рыночной экономике. Эти трансформации ослабили институциональные и культурные механизмы, поддерживавшие уважение к старшему поколению, и создали условия для быстрого обесценивания старости. Социальная нестабильность, экономические кризисы и ослабление семейных связей в посткоммунистический период сделали пожилых людей особенно уязвимыми для возрастной дискриминации.

Особого внимания заслуживают исследования, оспаривающие универсальность теории модернизации на основе эмпирических данных из культур, где традиционные ценности сохраняют силу вопреки модернизации. Пример Самоа, изученный в 1984 году, показал, что быстрые и обширные социальные изменения не эродировали статус старейшин в этом обществе. Исследователи пришли к выводу, что культурные ценности выступают решающими промежуточными переменными в теории модернизации. То есть воздействие экономических и демографических факторов на статус пожилых людей опосредуется культурными ценностями, которые могут усиливать, ослаблять или даже нейтрализовывать это воздействие.

Это открытие имеет важные практические последствия. Если культурные ценности являются ключевым модератором, то сохранение или восстановление уважения к старости в условиях модернизации возможно не только через экономические меры (повышение пенсий, улучшение здравоохранения), но и через культурные практики (межпоколенческие программы, образовательные инициативы, медиа-кампании, продвигающие позитивные образы старости). Культурные изменения, в отличие от экономических, требуют более длительного времени и усилий, но они могут быть более устойчивыми и глубокими.

Модернизация и межпоколенческий конфликт

Одним из наиболее острых проявлений модернизационных процессов является межпоколенческий конфликт, который в XXI веке становится важнейшей социальной проблемой «стареющих» государств. Как отмечают исследователи, если ранее межпоколенческие конфликты находили своё отражение в политической сфере («оккупирование» представителями старшего поколения должностей во властных органах) и культурной сфере (несоответствие ценностных установок молодёжи и пожилых людей), то в современных условиях эта проблема приобрела также ярко выраженный экономический характер.

Интенсивное старение населения развитых и развивающихся стран привело к тому, что доля пожилых людей значительно возросла, в то время как доля детей и молодёжи вследствие низкой рождаемости существенно сократилась. На фоне увеличения ожидаемой продолжительности здоровой жизни совокупность этих факторов привела к росту реальной конкуренции на рынке труда между поколениями. Межпоколенческие конфликты возникают как в индивидуальном плане (в семьях, на рабочих местах), так и в коллективном (по поводу распределения общественных ресурсов, пенсионной политики, доступа к здравоохранению).

В российской социологической литературе отмечается, что проявления возрастной дискриминации и десоциализации характерны как для молодёжи, так и для пожилых людей, однако молодые люди легче справляются с их последствиями. Молодёжь имеет больший ресурс адаптации, мобильности и переобучения, тогда как пожилые люди, сталкиваясь с дискриминацией, оказываются в ситуации структурной уязвимости. Это неравенство в способности справляться с последствиями эйджизма усугубляет социальную напряжённость и создаёт порочный круг: чем более уязвимы пожилые люди, тем больше они стигматизируются как «бремя», и тем более уязвимыми они становятся.

Особый интерес представляет вопрос о том, как современные поколения воспринимают справедливость межпоколенческого распределения ресурсов. Исследования показывают, что в условиях экономического кризиса и бюджетных ограничений общественное мнение может склоняться в сторону сокращения социальных расходов на пожилых людей, что воспринимается как несправедливое молодыми поколениями, но как угрожающее пожилыми. Этот конфликт восприятий, основанный на разных перспективах и интересах, является характерной чертой модернизирующихся обществ с высокой долей пожилого населения.

Российский контекст: специфика посткоммунистической модернизации

Посткоммунистические страны, и Россия в частности, демонстрируют особую динамику статуса пожилых людей, которая требует отдельного анализа в рамках теории модернизации. Исследования Руднева и Воклера (2022) показывают, что в посткоммунистических странах статус пожилых людей ниже, чем можно было бы ожидать на основе уровня модернизации, и снижается по мере углубления модернизации особенно быстро.

Эта специфика имеет несколько объяснений. Во-первых, советский период характеризовался двойственным отношением к пожилым людям. С одной стороны, существовала развитая система социальной защиты – пенсии, дома престарелых, субсидируемое жильё и здравоохранение. С другой стороны, идеология классовой борьбы и революционного обновления подрывала традиционные ценности уважения к старшим. Конфуцианский принцип почитания старших, если и существовал в дореволюционной России, был существенно ослаблен в советский период, особенно в городах.

Во-вторых, постсоветский переход к рыночной экономике в 1990-х годах привёл к резкому падению уровня жизни значительной части пожилого населения. Обесценивание пенсий, разрушение системы социальной защиты, экономическая нестабильность сделали пожилых людей одной из наиболее уязвимых групп. Этот экономический шок, как показывают исследования, не только ухудшил материальное положение пожилых людей, но и снизил их социальный статус – они стали восприниматься как неудачники и «лишние люди» в новой экономической реальности.

В-третьих, в российской социальной политике до сих пор отсутствует закон о недопустимости дискриминации по возрасту. Это означает, что возрастная дискриминация остаётся институционально не запрещённой и может проявляться в различных сферах – от рынка труда до здравоохранения. Отсутствие законодательной защиты делает пожилых людей более уязвимыми для дискриминационных практик и одновременно сигнализирует обществу, что возрастная дискриминация является социально приемлемой.

В то же время российские исследователи подчёркивают, что для решения проблемы межпоколенческих конфликтов в современных реалиях необходимо не только принятие закона о недопустимости дискриминации по возрасту, но и сокращение коммуникативной дистанции между молодёжью и пожилыми людьми. Это сокращение (как на уровне семьи, так и общества в целом) позволит повысить эффективность межпоколенческого взаимодействия и интенсивность передачи социального опыта. Для недопущения возникновения дискриминационных практик в обществе необходим пересмотр социокультурной парадигмы отношения к старости и пожилым людям, что позволит изменить стереотипное восприятие социальной роли старшего поколения и их вклада в общественное развитие.

Прогноз для стран с низким уровнем дохода: уязвимость в условиях глобального старения

Особого внимания заслуживает прогноз для стран с низким уровнем дохода, которые сегодня имеют сравнительно молодое население, но столкнутся с ускоренным старением в ближайшие десятилетия. В этих странах проблема обесценивания пожилых людей может проявиться с особой остротой, поскольку они не имеют ни экономических ресурсов, ни развитых

институциональных систем, необходимых для смягчения негативных последствий модернизации.

Традиционные механизмы семейной поддержки, которые в значительной степени защищали пожилых людей в аграрных обществах, ослабевают под воздействием урбанизации, миграции и изменения семейных структур. Географическая мобильность, характерная для процессов модернизации, разрывает семейные связи, а растущая занятость женщин подрывает традиционные системы неформального ухода. В отсутствие сильных государственных систем социальной защиты это создаёт вакуум, в котором пожилые люди оказываются брошенными на произвол судьбы.

Проблема усугубляется тем, что в странах с низким уровнем дохода системы здравоохранения и социальной защиты часто охватывают лишь формально занятых работников, оставляя большинство пожилых людей, занятых в неформальном секторе или сельском хозяйстве, без защиты. В таких условиях даже позитивные стереотипы о компетентности и мудрости пожилых могут обернуться против них, поскольку общество ожидает от них вклада, который они не могут сделать из-за отсутствия ресурсов и возможностей.

Таким образом, прогноз для стран с низким уровнем дохода – это прогноз усиления уязвимости пожилых людей в процессе модернизации, если не будут предприняты сознательные усилия для создания систем социальной защиты, сохранения культурных ценностей уважения к старшим и развития межпоколенческих связей. Эти страны могут извлечь уроки из опыта более развитых стран, где модернизация уже привела к обесцениванию старости, и попытаться избежать повторения этого пути, но для этого потребуются значительные политические и культурные усилия.

Синтез: модернизация как многомерный процесс

Подводя итог анализу, необходимо подчеркнуть, что модернизация как фактор обесценивания пожилых людей представляет собой многомерный и нелинейный процесс. Теория Когхилла и Холмса, при всей её эвристической ценности, является упрощением сложной реальности, в которой экономические, демографические, культурные и политические факторы взаимодействуют сложным образом.

Экономическое развитие действует двойственно: с одной стороны, оно создаёт ресурсы для социальной защиты, смягчающей негативные последствия эйджизма, с другой – формирует культурные условия, в которых ценность опыта и мудрости снижается, а приоритет отдаётся инновациям и молодости. Эта двойственность означает, что простое экономическое развитие само по себе не решает проблемы уважения к старости – оно может даже усугублять культурные аспекты обесценивания.

Демографическое старение является ключевым механизмом, через который модернизация влияет на статус пожилых людей. Рост численности и доли пожилых людей в населении создаёт объективные условия для снижения их статуса: они становятся более заметными и одновременно более обременительными в восприятии общества. Однако демографические тенденции не являются фатальными – культурные ценности могут смягчать их влияние, как показывают примеры мусульманских стран.

Культурные ценности выступают решающим модератором воздействия модернизации на статус пожилых людей. В обществах, где сохраняются сильные традиции уважения к старшим, модернизация может не приводить к столь же резкому снижению статуса, как в обществах, где эти традиции ослаблены или отсутствуют. Культурные ценности не являются статичными – они могут меняться под влиянием политики, медиа и образования, что открывает возможности для целенаправленного вмешательства.

Политический контекст играет важную роль в том, как модернизация влияет на пожилых людей. Политическая стабильность, как ни парадоксально, может усиливать негативное восприятие эйджизма, поскольку дискриминация воспринимается как более несправедли-

вая. Отсутствие политической стабильности, в свою очередь, может маскировать проблемы эйджизма, но не решать их.

Таким образом, модернизация не является однозначным «врагом» пожилых людей. Она создаёт как возможности (социальная защита, здравоохранение), так и вызовы (культурное обесценивание, межпоколенческая конкуренция). Будущее статуса пожилых людей в процессе модернизации зависит от того, какие механизмы будут преобладать

Глава 3. Институциональный эйджизм. Когда дискриминация становится нормой

Определение и структура эйджизма: от стереотипа к институту

В 1969 году американский геронтолог Роберт Нил Батлер впервые употребил термин «эйджизм», чтобы описать систематическую дискриминацию пожилых людей по возрастному признаку, сознательно проводя параллель с такими понятиями, как расизм и сексизм. Батлер определил эйджизм как трёхкомпонентное явление, включающее предвзятые установки по отношению к пожилым людям, старению и процессу старения; дискриминационные практики против пожилых людей; а также институциональные практики и политики, которые увековечивают стереотипы о пожилых. Это определение, уточнённое в 1975 году, стало концептуальной основой для понимания того, как возрастная дискриминация пронизывает все уровни общества – от межличностных взаимодействий до структурных институтов.

Эйджизм на институциональном уровне представляет собой наиболее глубокую и трудно поддающуюся изменению форму возрастной дискриминации. В отличие от бытовых проявлений – отдельных высказываний, шуток или неосознанных стереотипов – институциональный эйджизм закреплён в формальных правилах, политиках, практиках и структурах организаций и систем. Он может быть преднамеренным (когда возрастное неравенство сознательно закладывается в нормы) или непреднамеренным (когда дискриминационный эффект возникает как побочный результат, казалось бы, нейтральных правил). Ключевая особенность институционального эйджизма заключается в его нормативности: когда дискриминация встроена в институты, она перестаёт восприниматься как дискриминация и становится «просто порядком вещей».

Важнейший механизм, через который институциональный эйджизм воспроизводится, – это интернализация возрастных стереотипов самими пожилыми людьми. Исследования показывают, что негативные стереотипы о старении усваиваются в течение жизни и могут проявляться в самооценке пожилых людей, их восприятии собственных возможностей и ограничений. В одном из исследований, посвящённых восприятию старости, именно пожилые респонденты демонстрировали наиболее негативные установки: лишь 33% из них ответили, что старость не является непривлекательной, тогда как среди детей положительных ответов было большинство. Этот результат указывает на то, что эйджизм не является врождённым или естественным отношением к старости, а усваивается в процессе социализации и закрепляется институциональными практиками, которые последовательно транслируют негативные образы старения.

Природа институционального эйджизма глубоко связана с фундаментальными экзистенциальными страхами. Исследователи отмечают, что страх смерти, страх инвалидности и зависимости являются одними из основных причин эйджизма; избегание, сегрегация и отвержение пожилых людей служат копинг-механизмами, позволяющими людям не думать о собственной смертности. Институциональные практики, изолирующие пожилых людей, таким образом, выполняют психологическую функцию защиты молодых и среднего возраста членов общества от тревожных мыслей о собственном будущем. Эта психологическая динамика делает эйджизм особенно устойчивым к изменению, поскольку он затрагивает глубинные слои коллективного бессознательного.

Эйджизм в системе здравоохранения: цена стереотипов

Система здравоохранения является одной из сфер, где институциональный эйджизм проявляется наиболее отчётливо и с наиболее серьёзными последствиями. Исследования показы-

вают, что возрастная дискриминация в медицине пронизывает все уровни – от доступа к лечению до качества оказания помощи и участия в клинических испытаниях.

Ограничение доступа к медицинской помощи является одной из наиболее вопиющих форм институционального эйджизма. Всемирная организация здравоохранения в своём глобальном докладе об эйджизме приводит шокирующие данные: систематический обзор 2020 года показал, что в 85% из 149 исследований возраст определял, кто получал те или иные медицинские процедуры или лечение. Это означает, что в подавляющем большинстве случаев решение о доступе к медицинской помощи основывалось не на клинических показаниях, не на прогнозе эффективности лечения, а на возрасте пациента. Возраст становился самостоятельным критерием для распределения жизненно важных медицинских ресурсов.

Особенно ярко эта проблема проявилась в период пандемии COVID-19, когда, как отмечает доклад ООН, возраст использовался в качестве единственного критерия для доступа к медицинской помощи, жизнеспасующей терапии и для физической изоляции. В разных странах принимались протоколы триажа (системы алгоритмов для медицинской сортировки, которые позволяют быстро оценить состояние пациентов и распределить их по приоритету оказания помощи), которые отдавали приоритет более молодым пациентам перед пожилыми при ограниченных ресурсах интенсивной терапии и аппаратов искусственной вентиляции лёгких. Эти решения, принимавшиеся в условиях чрезвычайной ситуации, обнажили глубоко укоренённые представления о том, что жизнь пожилого человека имеет меньшую ценность, чем жизнь молодого – представления, которые в обычных условиях остаются латентными, но проявляются в кризисных ситуациях.

В сфере клинических исследований институциональный эйджизм проявляется через систематическое исключение пожилых людей из испытаний новых лекарств и методов лечения. Исследования часто проводятся на относительно молодых и здоровых добровольцах, тогда как результаты экстраполируются на всё население, включая пожилых людей с множественными хроническими заболеваниями и сопутствующей медикаментозной терапией. Это приводит к тому, что эффективность и безопасность многих медицинских вмешательств для пожилых людей остаются недостаточно изученными, а врачи вынуждены назначать лечение, руководствуясь экстраполяцией, а не доказательными данными. Пожилые пациенты, таким образом, оказываются в ситуации повышенного риска неблагоприятных побочных эффектов и сниженной эффективности терапии.

Качество медицинской помощи также страдает от возрастных стереотипов. Исследования в рамках подхода Амартии Сена к пониманию человеческого развития показали, что институциональный эйджизм в здравоохранении приводит к недостаточному лечению, запоздалой диагностике и оказанию помощи, основанной на стереотипах, что наносит ущерб функциональным способностям и социальному участию пожилых людей. Врачи могут недооценивать жалобы пожилых пациентов, списывая их на «естественные» процессы старения, и не проводить необходимых диагностических процедур. Это ведёт к тому, что серьёзные заболевания – онкологические, сердечно-сосудистые, эндокринные – диагностируются на более поздних стадиях, когда возможности лечения уже ограничены.

Особого внимания заслуживает дискурс о «блокирующих койки» (bed-blockers), который отражает институциональный эйджизм на уровне языка и политики. В европейской медицинской литературе и управленческой практике всё чаще используется термин «bed-blockers» для обозначения пожилых пациентов, которые, по мнению администраторов, «занимают» больничные койки, не позволяя госпитализировать более молодых и «продуктивных» пациентов. Этот термин, как отмечают исследователи, представляет собой не просто технический жаргонизм, а этически проблематичную конструкцию, которая возлагает на пожилых людей ответственность за неэффективность системы здравоохранения. Пожилые пациенты, нуждающиеся в длительном лечении и реабилитации, изображаются как препятствие, как «проблема», кото-

рую нужно решить, освободив койки. Смена перспективы – рассмотрение этой ситуации как следствия плохо организованной системы, неспособной обеспечить адекватный уход и реабилитацию, – остаётся редкой в управленческом дискурсе.

Всемирная организация здравоохранения инициировала программу создания «систем здравоохранения, дружественных к пожилым людям» (age-friendly health systems) в рамках Десятилетия здорового старения ООН (2021–2030). Однако, как отмечается в исследованиях, реализация этой программы сталкивается с серьёзными препятствиями, включая недостаток подготовки медицинских специалистов в области гериатрии, сохраняющиеся стереотипы и институциональные практики, которые не ориентированы на потребности стареющего населения.

Возрастная дискриминация на рынке труда: исключение через порог

Рынок труда является второй по значимости сферой, где институциональный эйджизм проявляется в наиболее явных и измеримых формах. Исследования показывают, что возрастная дискриминация в сфере занятости – это системная проблема, затрагивающая миллионы пожилых работников и имеющая серьёзные экономические последствия для общества в целом.

Масштаб проблемы демонстрируют данные Европейского Союза: более половины европейцев считают, что возраст создаёт препятствия при приёме на работу. Исследование, проведённое по заказу Европейской комиссии, подтвердило, что сфера занятости является наиболее поражённой возрастной дискриминацией областью. Это означает, что квалифицированные и опытные работники систематически исключаются из рынка труда не из-за недостатка компетенций, а исключительно из-за возрастных стереотипов.

Институциональный эйджизм на рынке труда принимает различные формы. Возрастная фильтрация при приёме на работу – когда резюме кандидатов старше определённого возраста (часто 45–50 лет) отсеиваются на начальных этапах отбора, без рассмотрения их квалификации – является широко распространённой практикой, которую трудно доказать юридически, но которая хорошо известна как работодателям, так и соискателям. Исследования показывают, что каждый третий человек старше 50 лет в Великобритании считает, что его не взяли на работу из-за возраста. Эта статистика указывает на то, что возрастная дискриминация воспринимается не как исключение, а как норма – как системное препятствие, с которым сталкивается значительная часть пожилых работников.

Селективные увольнения представляют ещё одну форму институционального эйджизма. В периоды сокращений, реструктуризации и экономической нестабильности пожилые работники непропорционально часто оказываются в числе увольняемых. Исследователи отмечают, что раунды сокращений «тихо нацеливаются на пожилых сотрудников» – эта практика редко фиксируется как дискриминационная, поскольку формально увольнения обосновываются экономическими причинами, но фактически затрагивают преимущественно старшие возрастные группы. Пожилые работники после увольнения сталкиваются с дополнительными трудностями при поиске новой работы, что усугубляет их экономическую уязвимость.

Отсутствие программ переобучения для пожилых работников является третьим элементом институционального эйджизма на рынке труда. Инвестиции в человеческий капитал – обучение, повышение квалификации, развитие новых навыков – распределяются неравномерно: молодые работники получают больше возможностей для профессионального развития, тогда как пожилые работники рассматриваются как «не стоящие инвестиций» из-за предполагаемого скорого выхода на пенсию. Это создаёт самоисполняющееся пророчество: пожилые работники не получают новых навыков, их компетенции устаревают, и это затем используется как оправдание для их увольнения или отказа в приёме на работу.

Одним из наиболее парадоксальных аспектов институционального эйджизма на рынке труда является противоречие между государственной политикой и практикой работодателей. Правительства многих стран повышают пенсионный возраст и призывают людей работать

дольше для поддержания экономической устойчивости пенсионных систем. Однако, как отмечает Кэтлин Рич, профессор Университета Глазго, «в тот самый момент, когда Великобритании нужно, чтобы люди работали дольше, слишком многие рабочие места выталкивают их». Это противоречие – когда государство говорит «работайте дольше», а работодатели говорят «вы слишком стары» – лежит в основе современного парадокса старения рабочей силы. До тех пор, пока это противоречие не будет разрешено, общество будет продолжать терять таланты и подрывать собственную экономику, как отмечает Рич.

Институциональный эйджизм на рынке труда имеет значительные экономические издержки. Оценки в Австралии показывают, что если бы на 5% больше людей в возрасте 55 лет и старше были трудоустроены, это принесло бы ежегодный положительный эффект в 48 миллиардов австралийских долларов для национальной экономики. Это означает, что возрастная дискриминация обходится обществу не только в человеческом измерении – потерянные возможности, утраченное достоинство, социальная изоляция, – но и в прямом экономическом ущербе.

Исследования подчёркивают, что возрастная враждебность на рабочем месте не ограничивается явными дискриминационными практиками. Она также связана с «коллективной социальной нерешительностью говорить честно и открыто о том, что значит стареть на работе», что позволяет эйджизму продолжать процветать на рынке труда. Культура молчания вокруг старения на работе означает, что пожилые работники не могут обсуждать свои потребности, опасения и опыт, а организации не разрабатывают политики, учитывающие возрастное разнообразие. Как отмечает Рич, «работа в 25 лет не ощущается так же, как в 55, и организации, которые признают и учитывают это, раскроют весь потенциал своей рабочей силы».

Язык дискриминации: как слова создают реальность

Институциональный эйджизм не ограничивается формальными правилами и политиками – он проникает в язык, который формирует восприятие, оправдывает неравенство и делает возрастную дискриминацию «нормальной» и «естественной». Лингвистический анализ показывает, как язык не просто отражает, но и конструирует реальность старости, закрепляя её восприятие как проблемы, бремени и упадка.

Одним из наиболее показательных примеров является дискурс демографической катастрофы. Языковые конструкции, описывающие демографическое старение, систематически используют метафоры стихийных бедствий: «демографическая бомба замедленного действия», «поток пенсионеров», «прилив пенсионеров», «лавина пожилых граждан». Эти метафоры, как отмечает лингвистический анализ, заимствуют образы, которые уже зарекомендовали себя в негативном описании международных миграционных потоков, и создают впечатление, что пожилые люди представляют собой неконтролируемую природную угрозу, от которой общество должно защищаться. Язык здесь выполняет идеологическую функцию: он представляет демографическое старение не как результат успехов медицины и социального развития, а как катастрофу, требующую принятия чрезвычайных мер.

Термины, описывающие пожилых людей как экономическую проблему, также закрепляют институциональный эйджизм. Выражения вроде «стареющее общество» с приставкой «пере-» (*over-aged society*) создают впечатление ненормальности, избыточности. В немецком языке, например, существование понятия «*überalterte Gesellschaft*» (перенаселённое стариками общество) противопоставляется отсутствию понятия «*unterjugend*» (недостаток молодёжи), хотя оба явления – и рост доли пожилых, и снижение доли молодых – являются двумя сторонами одного демографического процесса. Эта языковая асимметрия показывает, как лингвистические конструкции создают одностороннее восприятие, в котором ответственность за демографические изменения возлагается исключительно на пожилых.

Эвфемизмы и дискриминационные обозначения представляют ещё один пласт лингвистического эйджизма. Нейтральные на первый взгляд термины, такие как «пожилые работ-

ники» (older workers), на деле, как отмечают исследователи, представляют собой «название проблемной группы», которая выделяется и маргинализируется в отличие от «молодых работников», воспринимаемых как норма. Аналогичным образом, такие термины, как «граждане пожилого возраста» (senior citizens), призванные звучать уважительно, на практике могут создавать дистанцию и инаковость. Как отмечает лингвистический анализ, «если мы не говорим о «молодых гражданах», «гражданах без миграционного фона» или «получателях незаработанного дохода из родительского фона», то почему мы должны говорить о «пожилых гражданах» или «людях с миграционным фоном»?» Эта лингвистическая асимметрия показывает, как язык создаёт иерархии и категории, закрепляя маргинальное положение определённых групп.

Особого внимания заслуживает гендерная асимметрия в языковом эйджизме. Как показывают лингвистические исследования, в немецком языке прилагательное «старый» в сочетании с мужским родом может использоваться в положительном или нейтральном смысле: старый друг, старый мошенник, старый швед, старый дом. В сочетании с женским родом формула «старое + имя = ругательство» работает практически без исключений: старая коробка, старое седло, старый фрегат, старая дева, старая ведьма, старая метла. Эта языковая асимметрия отражает и закрепляет двойную дискриминацию – по возрасту и по полу, делая пожилых женщин особенно уязвимыми для стигматизации.

Интересно, что, как показывают исследования, отношение к старости у детей существенно позитивнее, чем у взрослых. В исследовании, проведённом с участием школьников, медсестёр и пожилых пациентов, большинство детей дали позитивные утверждения о старении, тогда как пожилые респонденты демонстрировали наиболее негативное восприятие. Это позволяет предположить, что негативные стереотипы о старости усваиваются в процессе взросления через культурные и языковые практики, а не являются врождёнными или естественными. Язык становится инструментом передачи эйджистских установок от поколения к поколению.

Экономический дискурс и стереотип бремени

Одним из наиболее устойчивых и влиятельных элементов институционального эйджизма является дискурс, представляющий пожилых людей как экономическое бремя. Этот дискурс не просто описывает реальность, но активно конструирует её, создавая моральное оправдание для дискриминационных практик и политик.

В основе дискурса бремени лежит представление о том, что пожилые люди потребляют непропорционально большую долю общественных ресурсов – здравоохранения, пенсий, социальных услуг – и что это создаёт непосильную нагрузку на работающее население и экономику в целом. Этот нарратив особенно активизируется в периоды экономической нестабильности и бюджетных ограничений, когда правительства ищут способы сокращения социальных расходов.

Однако, как показывают исследования, дискурс бремени часто основан на неверных или упрощённых экономических представлениях. В области экономики здравоохранения, как отмечает анализ дискурса приписывания роста расходов на здравоохранение пожилым людям, элементарным здравым смыслом является понимание того, что старение не является значительной причиной роста расходов на здравоохранение. Исследователь Рюки Ханаока, анализируя эту ситуацию через призму концепции биополитики Мишеля Фуко, показывает, как мнения о том, что рост расходов на здравоохранение связан с увеличением численности пожилого населения, служат для усиления обвинений в адрес пожилых людей и представляют собой форму эйджизма. Функция «биовласти», как её понимал Фуко, заключается в разделении человеческих групп на основе биологических показателей, и эйджизм, разделяющий пожилых и молодых, является упражнением этой биовласти.

Экономические издержки эйджизма – не только следствие, но и причина дискриминационного дискурса. Оценки в США показывают, что эйджизм в форме негативных возрастных стереотипов и самооценок привёл к избыточным годовым расходам в размере 63 миллиардов долларов на восемь наиболее дорогостоящих медицинских состояний. Это означает, что 1 доллар из каждых 7 долларов, потраченных на лечение этих состояний у американцев старше 60 лет, является избыточным – связанным не с самими заболеваниями, а с последствиями возрастной дискриминации: стрессом, ухудшением поведения, невыполнением медицинских предписаний, которые являются результатом интернализованных негативных стереотипов.

Парадокс заключается в том, что экономические издержки эйджизма часто используются для оправдания дискриминационных политик, тогда как на самом деле они являются следствием этих политик. Эйджизм в здравоохранении увеличивает расходы, которые затем приписываются пожилым людям и используются для оправдания ограничения доступа к лечению. Возрастная дискриминация на рынке труда сокращает налоговые поступления и увеличивает расходы на социальное обеспечение, что затем используется как аргумент против инвестиций в пожилых работников. Институциональный эйджизм, таким образом, создаёт порочный круг: дискриминация порождает издержки, которые служат оправданием для дальнейшей дискриминации.

Издержки институционального эйджизма: цена для общества

Институциональный эйджизм обходится обществу в огромные суммы – как в прямом экономическом выражении, так и в потерянном человеческом потенциале, ухудшенном здоровье и снижении качества жизни. Понимание этих издержек имеет критическое значение для обоснования необходимости системных изменений.

Экономические издержки эйджизма можно оценить как на макро-, так и на микроуровне. Исследование в США показало, что эйджизм в форме негативных возрастных стереотипов и самооценок привёл к избыточным годовым расходам в размере 63 миллиардов долларов для восьми наиболее дорогостоящих медицинских состояний. Это означает, что 1 доллар из каждых 7 долларов, потраченных на лечение этих состояний у американцев старше 60 лет, является избыточным – связанным не с самими заболеваниями, а с последствиями возрастной дискриминации. Эти избыточные расходы возникают через три механизма: психологический (негативные возрастные стереотипы усиливают стресс), поведенческий (негативные самооценки старения предсказывают ухудшение поведения в отношении здоровья, включая несоблюдение медицинских предписаний) и физиологический (негативные возрастные стереотипы предсказывают неблагоприятные изменения в мозге десятилетия спустя, включая накопление бляшек и клубков и уменьшение размера гиппокампа).

На макроэкономическом уровне потери от исключения пожилых людей из рынка труда также значительны. Оценки в Австралии показывают, что если бы 5% больше людей в возрасте 55 лет и старше были трудоустроены, это принесло бы положительный эффект в 48 миллиардов австралийских долларов для национальной экономики ежегодно. В Великобритании выплаты за возрастную дискриминацию на рабочем месте достигли рекордных сумм, включая компенсацию в размере 3,2 миллиона фунтов стерлингов одному истцу, уволенному после того, как его назвали «старым ископаемым, который не знает, как иметь дело с миллениалами». Однако, как отмечает Кэтлин Рич, эти компенсации «скрывают гораздо большие издержки для экономики Великобритании, измеряемые не судебными решениями, а потраченным впустую потенциалом и замалчиванием нашего опыта из-за враждебных к возрасту рабочих мест».

Последствия для здоровья институционального эйджизма не менее серьёзны. Эйджизм среди пожилых людей, по оценкам, связан с 6,3 миллионами случаев депрессии в глобальном масштабе. Ухудшение психического здоровья, в свою очередь, ведёт к снижению физического здоровья, увеличению социальной изоляции и одиночества, большей финансовой незащищённости, снижению качества жизни и преждевременной смерти. Эти последствия затрагивают не

только отдельных пожилых людей, но и всё общество, увеличивая нагрузку на системы здравоохранения и социальной поддержки.

Важно отметить, что эйджизм не действует изолированно – он пересекается и усугубляет другие формы предубеждения и неравенства, включая дискриминацию по признаку пола, расы и инвалидности, что приводит к негативному воздействию на здоровье и благополучие людей. Пожилые женщины, пожилые люди с ограниченными возможностями, пожилые представители этнических и расовых меньшинств сталкиваются с множественной дискриминацией, последствия которой суммируются и умножаются. Институциональный эйджизм, таким образом, является не просто одной из форм дискриминации, но системой, которая усиливает другие системы угнетения.

Потерянный потенциал – возможно, наиболее трудно измеримая, но и наиболее значительная издержка институционального эйджизма. Опыт, мудрость, навыки, знания пожилых людей остаются невостребованными, когда институциональные барьеры исключают их из участия в экономической, социальной и культурной жизни. Как отмечает исследование, проведённое в рамках подхода Амартии Сена, организационные практики, такие как возрастная фильтрация, селективные увольнения и отсутствие программ переобучения, сокращают конверсию человеческого капитала в достойную занятость и доход. В более широком смысле, исключение пожилых людей из общественной жизни ведёт к обеднению социального капитала, утрате исторической памяти и снижению коллективной мудрости.

Барьеры возрастного равенства: институциональные преграды

Исследование, проведённое по заказу Европейской комиссии, выделило три основных типа барьеров на пути к возрастному равенству, каждый из которых требует специфических подходов для преодоления.

Институциональные барьеры включают ограничительное законодательство, политику обязательного выхода на пенсию, правила доступа на основе возраста, слабое обеспечение существующих механизмов защиты, недостаточный сбор данных и отсутствие специализированных услуг. Эти барьеры представляют собой наиболее фундаментальный уровень, поскольку они закреплены в законах, нормативных актах и организационных политиках. Их преодоление требует не только изменения отдельных правил, но и системной трансформации подходов к регулированию возрастных отношений. Хотя в большинстве государств-членов ЕС существуют стратегии, связанные со старением, исследование показало, что лишь немногие из них прямо затрагивают возрастную дискриминацию или продвигают возрастное равенство. Там, где действия существуют, их реализация часто фрагментирована, с недостаточным мониторингом, ограниченными данными и незначительным вовлечением организаций гражданского общества.

Межличностные барьеры проистекают из возрастных стереотипов, исключительного поведения на рабочих местах и в медицинских учреждениях, а также негативных образов возраста и старения в медиа. Эти барьеры действуют на уровне повседневных взаимодействий и воспроизводятся через общение, привычки и неформальные практики. Их преодоление требует культурных изменений – образования, повышения осведомлённости, изменения медиа-репрезентаций. Исследования показывают, что образовательные мероприятия, которые усиливают эмпатию и развенчивают заблуждения, а также межпоколенческие мероприятия, которые уменьшают предубеждения, помогают снизить эйджизм.

Самодирективные барьеры возникают, когда люди интернализуют эйджистские нормы, ограничивая свои собственные устремления, уверенность и участие в трудоустройстве, образовании и социальной жизни. Этот уровень наиболее сложен для внешнего вмешательства, поскольку он затрагивает глубинную психологию и самоощущение. Однако именно интернализация возрастных стереотипов, как показывают исследования, имеет наиболее серьёзные

последствия для здоровья и благополучия пожилых людей, включая ухудшение физического и психического здоровья и преждевременную смерть.

Особую тревогу вызывает то, что, хотя в большинстве государств-членов ЕС существуют правовые рамки против возрастной дискриминации за пределами сферы занятости – включая доступ к услугам, здравоохранению, образованию, социальной защите и жилью – защита остаётся неравномерной, а пересекающаяся дискриминация редко затрагивается. Это означает, что пожилые люди, сталкивающиеся с множественными формами дискриминации, остаются наименее защищёнными. Как отмечает AGE Platform Europe, эти пробелы способствуют сохранению неравенства, более высокой безработице, худшим исходам в отношении здоровья, социальной изоляции и снижению доверия к государственным институтам.

Институциональный эйджизм в социальных услугах: стереотип пассивности

Сектор социальных услуг представляет собой ещё одну сферу, где институциональный эйджизм проявляется через стереотипное восприятие пожилых людей как пассивных получателей помощи, а не как активных участников собственной жизни и граждан общества. Этот стереотип имеет глубокие последствия для качества предоставляемых услуг и для самоощущения пожилых людей.

В основе стереотипа пассивности лежит представление о пожилых людях как о зависимых, немощных, неспособных принимать решения и контролировать свою жизнь. Это представление пронизывает организацию социальных услуг, системы долгосрочного ухода и практику социальных работников. Пожилые люди часто не рассматриваются как эксперты в вопросах собственной жизни, их предпочтения и желания могут игнорироваться в пользу решений, принятых профессионалами.

Исследования в рамках подхода Сена показывают, что недостаточное предоставление возможностей для непрерывного образования и барьеры доступности ограничивают обучение на протяжении всей жизни, а дефициты городской инфраструктуры и цифровое исключение препятствуют участию в общественных пространствах. Эти барьеры не являются случайными – они отражают институциональное предположение о том, что пожилым людям не нужны образование, участие и социальная включённость, что они должны быть довольны тем, что у них есть, и не должны стремиться к развитию.

Особенно показательным является дискурс о «блокирующих койки» (bed-blockers), где пожилые пациенты изображаются как препятствие для эффективной работы системы здравоохранения. Этот дискурс, как отмечают исследователи, представляет собой не просто техническую конструкцию, но этически проблематичное описание, которое перекладывает ответственность за системные проблемы на наиболее уязвимых пациентов. Вопрос, который ставится в исследованиях: являются ли пожилые пациенты, «блокирующие» койки, ответственными за задержку своей выписки, или же они являются жертвами плохо спроектированной системы здравоохранения, которая не может удовлетворить их потребности после завершения острого лечения? Ответ на этот вопрос зависит от того, принимается ли возрастная перспектива или перспектива системной неэффективности.

Важно отметить, что многие практики, которые исследователи определяют как дискриминационные, могут не восприниматься самими пожилыми людьми как таковые. Например, возрастные льготы – гарантированное право на дом престарелых с определённого возраста – могут восприниматься пожилыми людьми как защита, а не как дискриминация. Это создаёт сложность для политики: разрыв между теоретическим анализом эйджизма и его восприятием самими пожилыми людьми означает, что меры, направленные на борьбу с дискриминацией, могут не находить поддержки у тех, кого они призваны защищать.

Ключевые подходы к преодолению институционального эйджизма

Глобальный доклад об эйджизме, подготовленный ВОЗ, УВКПЧ, ДЭСВ ООН и ЮНФПА, выделяет несколько ключевых подходов к преодолению институционального

эйджизма. Эти подходы охватывают различные уровни – от политики до образования и межпоколенческих программ.

Политическое и законодательное вмешательство является наиболее прямым способом борьбы с институциональным эйджизмом. В докладе ООН подчёркивается необходимость политик и законов, которые непосредственно адресуют возрастную дискриминацию. Однако, как показывает исследование Европейской комиссии, наличие защитных норм не гарантирует их эффективности без контроля, активных политик и культурных изменений. Законодательство должно быть подкреплено механизмами мониторинга, сбора данных и обеспечения исполнения. Особое значение имеет принятие всеобъемлющих стратегий возрастного равенства на национальном и наднациональном уровнях, как предлагает AGE Platform Europe в своей инициативе EU Action Plan to Combat Ageism.

Образовательные мероприятия направлены на усиление эмпатии и развенчание заблуждений о старении. Исследования показывают, что образовательные программы, особенно те, которые включают прямой контакт с пожилыми людьми, эффективно снижают эйджистские установки. Важно, чтобы образование по вопросам старения начиналось на ранних этапах жизни, поскольку, как показывают исследования, дети имеют более позитивное восприятие старости, чем взрослые, и негативные стереотипы усваиваются в процессе социализации. Образовательные программы должны охватывать не только школьное образование, но и профессиональное обучение, особенно в таких сферах, как медицина, социальная работа, менеджмент персонала, где профессиональные стереотипы могут иметь наиболее серьёзные последствия.

Межпоколенческие мероприятия уменьшают предубеждения через непосредственный контакт и совместную деятельность представителей разных возрастов. Исследования показывают, что межпоколенческий контакт не только снижает стереотипы, но и повышает воспринимаемую конкурентоспособность пожилых работников и улучшает взаимопонимание между поколениями. Эти мероприятия могут принимать различные формы – от программ наставничества до совместных образовательных проектов, от общих культурных мероприятий до совместного проживания. Однако важно, чтобы межпоколенческие инициативы не были разовыми акциями, а стали частью институциональной культуры.

В исследовании Европейской комиссии также подчёркивается необходимость работы над новой Конвенцией ООН о правах пожилых людей (UN Convention on the Rights of Older Persons), которая усилила бы международную защиту и предоставила чёткую правозащитную основу для направления политик ЕС и национальных государств. Принятие такой конвенции, аналогичной уже существующим конвенциям о правах женщин, детей и людей с инвалидностью, стало бы важным шагом в признании возрастной дискриминации как серьёзного нарушения прав человека.

AGE Platform Europe также призывает к активизации усилий по достижению соглашения о Горизонтальной директиве о равном обращении (Horizontal Equal Treatment Directive), которая обеспечила бы равную защиту от дискриминации по возрасту за пределами сферы занятости. Эта директива, если будет принята, закрыла бы существующие пробелы в правовой защите пожилых людей от дискриминации в доступе к товарам, услугам, образованию, социальной защите и здравоохранению.

Институциональный эйджизм как социальный конструкт

Завершая анализ институционального эйджизма, важно подчеркнуть, что, как и другие формы предубеждения, возрастная дискриминация не основана на биологии, а является социальным конструктом. Биологическое старение – это универсальный процесс, но его социальное значение, его интерпретация, нормы и практики, которые с ним связаны, культурно специфичны и исторически изменчивы. То, что в одном обществе или в один период воспринимается как естественное и неизбежное отношение к пожилым людям, в другом обществе или в другой период воспринимается как дискриминация.

Понимание эйджизма как социального конструкта открывает возможности для изменений. Если возрастная дискриминация не является биологически неизбежной, а социально создана, значит, она может быть социально изменена. Это требует не только изменения отдельных законов или политик, но и трансформации фундаментальных представлений – о том, что такое старение, какова ценность пожилых людей, какова природа межпоколенческих отношений.

Однако изменение социальных конструктов – процесс долгий и сложный, требующий усилий на всех уровнях: индивидуальном, межличностном, институциональном и культурном. Институциональный эйджизм, будучи наиболее глубоко укоренённой формой дискриминации, изменяется медленнее всего, поскольку он встроен в правила, процедуры и структуры, которые воспроизводятся автоматически. Как показывают исследования, наличие формальных правовых рамок не гарантирует изменения практик – необходимы также мониторинг, активные политики и культурные изменения.

Таким образом, преодоление институционального эйджизма требует системного подхода, который признаёт многомерность проблемы и необходимость скоординированных действий на всех уровнях – от индивидуального сознания до международных правовых инструментов. Это требует времени, ресурсов и политической воли, но альтернатива – сохранение институтов, которые систематически дискриминируют значительную часть населения и обходятся обществу в миллиарды долларов потерянного потенциала и ухудшенного здоровья – является ещё более затратной и несправедливой.

Глава 4. Культурный сдвиг. От мудрости к «вечной молодости»

Историческая трансформация образа старости: от архетипа мудрости к стигме дряхлости

Эволюция восприятия старости в западной культуре представляет собой один из наиболее показательных примеров того, как социальные конструкты могут трансформироваться в течение относительно короткого исторического периода. Как отмечают исследователи феномена конструирования образа старости, путь этого концепта пролегает от традиционного восприятия пожилых людей как эксклюзивных носителей мудрости до современной ситуации, где этот статус подвергается сомнению. Исторический путь – от культа мудрости через стигму дряхлости к характерной для настоящего времени двойственности, когда публичная риторика «активного долголетия» сочетается с эвфемистическим вытеснением самой старости из дискурса и доминированием культа молодости.

В доиндустриальных и раннеиндустриальных обществах, где скорость социальных изменений была значительно ниже, а передача знаний от поколения к поколению происходила преимущественно в устной форме, пожилые люди выполняли функцию «резервуаров мудрости» своих сообществ. Патриархальные и матриархальные общества относительно недавнего прошлого прислушивались к мнению старейшин в периоды кризисов. Этот статус старейшин как хранителей коллективной памяти и носителей сакрального знания был не столько следствием моральных установок, сколько отражением объективной социальной структуры – в условиях, когда письменность была недоступна большинству, а институционализированное образование отсутствовало, именно пожилые люди обеспечивали преемственность культуры, истории и практических навыков выживания.

Современный культурный сдвиг, как отмечают исследователи, характеризуется тем, что точки отсчёта нормы и здоровья были прочно помещены в молодой взрослый возраст. Старость утратила ту ценность, которой когда-то обладала. Этот процесс не является случайным или стихийным – он отражает фундаментальные изменения в способах производства, хранения и передачи знания, которые сделали традиционную мудрость менее востребованной, а молодость – более ценной в культурной иерархии.

Знание и информация: трансформация эпистемологического ландшафта

Центральным механизмом культурного обесценивания старости является трансформация самого понятия знания в информационную эпоху. В традиционных обществах знание было относительно стабильным – оно накапливалось в малоподвижных формах: рукописи, книги, библиотеки, которые делали невозможным его быстрое и масштабное преобразование. Переписать и переиздать книгу занимало годы, что обеспечивало длительный период актуальности накопленного опыта. Старейшины, хранившие в памяти генеалогии, ритуалы, медицинские практики и агротехнические приёмы, владели знанием, которое не могло быть получено из других источников и которое не устаревало в течение жизни одного поколения.

Современная ситуация принципиально иная. В информационную эпоху основные информационные ресурсы человечества могут обновляться мгновенно и доступны каждому посетителю сети. Знание устаревает быстрее, чем сменяются поколения. Объём научной информации удваивается каждые 10-15 лет, а факты и открытия нередко устаревают до того, как попадают в учебник. В этих условиях традиционная модель знания, основанная на накоплении и сохранении, уступает место модели, ориентированной на скорость обновления и адаптации к постоянно меняющимся условиям.

Эта трансформация имеет глубокие последствия для статуса пожилых людей. Если раньше пожилые люди могли гордиться тем, что «знают больше», чем молодые, то теперь молодые поколения часто знают не меньше (и, возможно, больше в некоторых областях, особенно связанных с новыми технологиями), а их знание более актуально и менее «устаревшее». Однако было бы упрощением утверждать, что опыт и мудрость полностью утратили ценность. Как показывают исследования, в контексте современных вызовов – климатического кризиса, утраты биоразнообразия, кризиса систем здравоохранения – традиционное знание, хранимое пожилыми людьми, может оказаться неожиданно востребованным.

Примеры из Индии и Африки демонстрируют, что в обществах, где устные традиции сохраняют силу, пожилые люди продолжают выполнять функции хранителей критически важного знания. В Бенгалуру, например, общинные хранители воды (Neeruganti), чьи знания основаны на многовековом опыте управления водными ресурсами в условиях сезонных колебаний, сегодня востребованы как никогда – но их опыт почти не записан и не встроен в системы искусственного интеллекта, доминирующие в современном управлении. Это противоречие – между институциональным обесцениванием традиционного знания и его практической востребованностью в кризисных ситуациях – является одной из характерных черт современного культурного ландшафта.

Культурная гегемония молодости: медиа и символическое уничтожение

Современная популярная культура, как показывают исследования, не столько отвергает старость, сколько отрицает её. Пожилые люди редко появляются в кино и телевизионных драмах, а когда они появляются, их, как правило, изображают в негативных ролях. Альтернативно, их могут показывать в безобидных, но инфантилизирующих ролях – часто притворяющимися молодыми и изображаемыми как игривые, расторможенные и, в целом, комичные персонажи.

Это «символическое уничтожение» старости в медиа, как его называют исследователи, имеет глубокие культурные последствия. Учитывая, что большинство фильмов относятся либо к жанру романтики, либо к жанру экшн, можно простить сценаристов за то, что они не включают многих пожилых людей в свои истории. Однако, как отмечает критический анализ, грубо говоря, утрата сексуальной привлекательности и физической силы, которая приходит с возрастом, стёрла пожилых людей из популярной культуры. Старость стала ненормальной и, в этом смысле, патологической.

Эта культурная тенденция не является нейтральной – она активно формирует общественное восприятие и, что ещё более важно, самоощущение пожилых людей. В культуре, где старый стало аномалией, пожилые люди интернализуют это представление, что имеет измеримые последствия для их физического и психического здоровья. Стереотипное восприятие пожилых людей через призму упадка, зависимости и утраты – укоренённое и усиленное медиа – создаёт культурный фон, на котором возрастная дискриминация воспринимается как естественная и неизбежная.

Особую роль в этом процессе играет язык. Как отмечается в исследованиях социального конструирования старости, публичная риторика «активного долголетия» часто сочетается с эвфемистическим вытеснением самой старости из дискурса. Культ молодости доминирует не только в рекламе и развлечениях, но и в языке повседневности, где слова, связанные со старостью, приобретают негативные коннотации, а сама тема старения становится табуированной. Это лингвистическое вытеснение, как показывают исследователи, является одним из механизмов, через которые культурный сдвиг от мудрости к вечной молодости закрепляется и воспроизводится.

Медикализация старения: когда норма становится патологией

Одним из наиболее показательных примеров культурного обесценивания старости является медикализация нормальных возрастных изменений. Как отмечается в исследованиях по психологии сегодня, медицинская профессия, призванная заботиться о здоровье, невольно

способствует маргинализации старости, патологизируя один из её неотъемлемых атрибутов. Мы принимаем старость, но не забывчивость, хотя лёгкая забывчивость так же естественна, как и морщинистая кожа.

The British Medical Journal уже некоторое время утверждает, что профессия чрезмерно медикализует жизнь в целом, но в старости мы, по-видимому, чрезмерно медикализируем когнитивные проблемы в частности. Ни один врач не стал бы считать уменьшение физической силы или морщинистую кожу патологическими процессами у пожилых людей, и тем не менее относительная потеря умственной гибкости, которая, как правило, ассоциируется со старостью, часто получает название – «мягкое когнитивное нарушение» (MCI) – и диагностический код.

Это происходит, несмотря на то, что MCI не имеет полезной ценности для прогнозирования деменции. MCI является фактором риска развития деменции, но большинство людей с MCI не заболевают этим расстройством. И нет никаких доказательств того, что оно часто ассоциируется с существенными характеристиками медицинского расстройства, такими как страдание или дистресс, кроме тех, которые возникают из-за беспокойства, связанного с получением диагноза преддеменции.

Почему же потеря умственной гибкости выделяется как область упадка, заслуживающая диагностического кода? Как отмечают исследователи, мы обитаем в нашем мозге, поэтому любое умственное снижение, каким бы лёгким или естественным оно ни было, может угрожать нашему чувству идентичности. Лишённый позитивных социальных атрибутов, которыми он когда-то обладал, и неспособный управлять новыми технологиями, слегка забывчивый пожилой человек теперь маргинализируется и маркируется как патологический.

Медикализация старения отражает более глубокий культурный сдвиг: старость перестаёт восприниматься как естественная стадия жизненного цикла со своими особенностями, достоинствами и ограничениями, и начинает восприниматься как болезнь, которую нужно лечить или, в лучшем случае, «успешно управлять». Этот сдвиг имеет практические последствия: пожилые люди, у которых диагностируют «мягкие когнитивные нарушения», могут испытывать тревогу, депрессию и снижение самооценки, что само по себе может ухудшить когнитивные функции, создавая порочный круг, где медицинский диагноз способствует ухудшению состояния, которое он призван описывать.

«Темпоральная конструкция старости»: дистанцирование от собственного будущего

Важным психологическим механизмом, поддерживающим культурное обесценивание старости, является то, что можно назвать «темпоральной конструкцией старости» – представление о том, что «мы будем другими», что нынешние пожилые отличаются от будущих стариков. Эта когнитивная стратегия позволяет молодым и средневозрастным людям дистанцироваться от негативных стереотипов, связанных со старостью, создавая иллюзию, что старение – это проблема других, а не их собственное неизбежное будущее.

Исследования темпоральных характеристик личности в пожилом возрасте показывают, что восприятие и отношение к прошлому, настоящему и будущему образует интегрированную структуру временной транспективы личности, которая имеет особенности в пожилом возрасте. В целом, пожилые люди демонстрируют позитивный характер временной транспективы с изменением в её структуре соотношения различных временных зон – децентрацию в прошлое, снижение активности и осязаемости настоящего и структурированности будущего. Однако ключевой вывод исследований заключается в том, что проблемы со здоровьем соответствуют уменьшению величины настоящего и будущего, снижению структурированности настоящего и прошлого и уменьшению осязаемости будущего.

Это означает, что пожилые люди, которые сталкиваются с возрастными стереотипами и дискриминацией, могут интернализировать эти негативные установки, что сказывается на

их восприятию времени и собственных возможностей. Феноменологический анализ старости показывает, что экзистенциальная конституция старости определяется либо доминированием возрастного прошлого (старость завершения), либо выходом по ту сторону надситуативного временения (созерцательная старость). То есть, отношение пожилых людей к своему возрасту и восприятие себя в значительной степени определяются тем, доминирует ли в их сознании прошлое (что характерно для депрессивного восприятия старости) или они способны выйти за пределы линейного времени и сохранять связь с настоящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.